
Правительство Российской Федерации

---

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»*

УДК 321.01
Код ГРНТИ 11.07.13
№ государственной регистрации 114111070064

ОТЧЕТ

О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

по эмпирическому исследованию "Формирование политико-административных институтов
развития в странах БРИКС"
(промежуточный)

шифр ИАС: 28.16.364.2014
Грант РГНФ «Управляемость и конкурентоспособность государства в условиях
неопределенности: сравнительный анализ стран БРИКС», 14-03-00816
направление: политология

Руководитель проекта: _____ проф., д.ф.н. Сморгунев Л.В.

Санкт-Петербург
2015

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

по проекту «Управляемость и конкурентоспособность государства в условиях неопределенности: сравнительный анализ стран БРИКС», 14-03-00816

- Руководитель проекта,
заведующий кафедрой
политического управления,
профессор, доктор философских наук _____ Сморгунов Л.В. (раздел 1)
подпись, дата
- Исполнитель проекта,
доцент, доктор политических наук _____ Кулакова Т.А. (раздел 2)
подпись, дата
- Исполнитель проекта,
доцент, доктор политических наук _____ Волкова А.В. (раздел 4)
подпись, дата
- Исполнитель проекта, доцент
доктор исторических наук _____ Петров С.И. (раздел 7)
подпись, дата
- Исполнитель проекта,
кандидат политических наук _____ Ведмецкая Л.В. (раздел 5)
подпись, дата
- Исполнитель проекта,
кандидат политических наук _____ Шерстобитов А.С. (раздел 3)
подпись, дата
- Исполнитель проекта _____ Игнатова А.М. (раздел 6)
подпись, дата

РЕФЕРАТ

Отчет предоставлен на 81 страницах, включает в себя 7 частей, 35 таблицы, 26 источников, 1 приложение

В 2016 г. продолжалось исследование потенциала управляемости государств стран БРИКС. Особое внимание уделялось анализу базовых условий управляемости (состоятельности государств и динамических способностей государств), связанных с формированием и укреплением политико-административных институтов развития. В качестве последних были выделены (1) институты прозрачности: «открытые данные» + открытость информации на сайтах правительства; (2) институты сотрудничества государства и общества: «открытое правительство»; (3) институты «вовлечения в публичность»; (4) институты справедливости; (5) институты субсидиарности; (6) институты включения в глобальное сотрудничество. На этой основе был сформирован Индекс динамических способностей государства, включающий в себя шесть основных переменных, измеряемых на основе шкал международных систем сравнения современных государств (Глобальный индекс открытых данных, Индекс электронного правительства ООН, индекс проекта Всемирная справедливость, индекс Международного института помощи в делах демократии и выборов (IDEA)). Проводился анализ совместимости подходов, характерных для различных международных систем сравнения современных государств. Основные переменные Индекса динамических способностей государства включали в себя следующие показатели: (1) подотчетность, измеряемая уровнем прозрачности государственной деятельности; (2) инклюзивность, измеряемая уровнем открытости государственной деятельности для участия; (3) ответственность, измеряемая уровнем «вовлечения в публичность»; (4) справедливость, измеряемая силой и правлением законов; (5) субсидиарность, измеряемая уровнем децентрализации; (6) доверие, измеряемое уровнем государственного контроля над бизнесом и обществом; (7) суверенитет и внешняя открытость к свободному сотрудничеству, измеряемая уровнем разноректорности внешней политики.

На основе этой концептуализации политико-административных институтов развития проводилось эмпирическое исследование «Формирование политико-административных институтов развития в странах БРИКС»: сбор эмпирических данных и анализ особенностей развития этих институтов в различных странах БРИКС. Специфика отдельных стран выявлялась в сравнительном контексте. Основные предварительные выводы эмпирического исследования сводятся к следующему:

- состоятельность и конкурентоспособность современных государств в значительной степени определяются степенью развитости их динамических способностей, выраженных в политико-административных институтах;

- рост способностей государства в строительстве институтов политико-административного управления отвечает цели повышения конкурентоспособности государств в мультиполярном мире; выстраивание отношений со странами БРИКС можно рассматривать как стимул внедрения современных управленческих инструментов в политико-государственное управление;

- состоятельность государства служит условием формирования политико-административных институтов развития, однако их влияние на конкурентоспособность государств и инклюзивный экономический рост определяется системой их динамических способностей; эмпирические данные демонстрируют положительную корреляционную зависимость уровней развития динамических способностей государств, политико-экономического развития и конкурентоспособности;

- выявлен потенциал современной политико-экономической модели развития в странах БРИКС, ориентированной на продвижение социальных программ как ресурса

поддержания человеческого капитала в обществе на высоком уровне — важнейшего условия создания институтов развития;

- определено, что формирование политико-административных институтов развития в странах БРИКС связано с интенсификацией сотрудничества государства и общества, характеризующегося страновой спецификой и моделями, которые определяются сочетанием культурных и глобальных контекстов; выстраивание отношений между странами БРИКС можно рассматривать как стимул внедрения современных управленческих инструментов в политико-государственное управление и институционального научения формированию динамических способностей государства;

- изучалось доверие населения к институтам в процессе формирования институтов развития; определено, что доверие само по себе является институтом развития и условием для формирования конкурентных преимуществ внутри государств, а также налаживания партнерских отношений между странами БРИКС; исходя из деления доверия на персональное, сетевое и институциональное, отмечалось, что для исследования конкурентности государств имеет значение институциональное доверие; во всей группе стран выявлен слабый потенциал формирования институтов доверия; исследование показало, что на данный момент институциональное доверие даже внутри самой организации БРИКС в сфере налаживания политико-экономических отношений остается на довольно невысоком уровне;

- эмпирический анализ уровня динамических способностей государств объединения БРИКС выявил различие между «препятствиями» и «провалами» в формировании и функционировании политико-административных институтов развития, которые описаны применительно к отдельным странам; суммарно «препятствия» сводятся, например, к следующим институциональным феноменам: институты чрезмерного государственного контроля над бизнесом, коррупциогенные правовые и политико-управленческие институты, монополизм в принятии политико-управленческих решений и др.; суммарно «провалы» можно отнести к формированию некоторых институтов, которые приводят к снижению государственной конкурентности и использованию ресурсов развития: ограниченные (или контролируемые) институты политической инклюзивности гражданского общества; мобилизационные, а не стимулирующие стратегии и институты развития; несетевой характер политико-управленческих институтов национальной инновационной системы и др.

Относительно самостоятельной выступала проблема институционального научения в процессе формирования политико-административных институтов развития. На примере анализа институтов «открытого правительства» в России в сравнительном измерении выявлены три кластера его институционализации с различными стратегиями участия и политической инноватики. Разрывы в стратегиях сопровождались низким уровнем интегративного институционального научения.

Изучалась проблема соотношения конкурентоспособного устойчивого развития и безопасности. Определено, что безопасность и устойчивое развитие страны тесно взаимосвязаны и представляют единую целостную систему. При этом стабильная, подлинная безопасность заключается не только в приоритете охранительно-силовых методов и средств, а прежде всего — способности институтов государства обеспечивать устойчивое и динамичное развитие стран. Центральная роль в этом процессе принадлежит государству как ключевому актору, наделённому соответствующими полномочиями по принятию решений в деле обеспечения безопасности. Вместе с тем, как показывает анализ, в деятельности государства по обеспечению безопасности возрастает его координирующая функция. При этом на первый план выходят управленческие динамические способности.

Научные результаты проекта были представлены на следующих международных мероприятиях: (1) Заседании "круглого стола" Саммита молодых лидеров стран ЕС и БРИКС (Euro-BRICS YoungLeadershipSummit), 11.06.2015, СПбГУ; (2) 9th ECPR General Conference, University of Montreal (Montreal, Canada), 26-29 August 2015 (9-й Генеральной конференции 2015 г. Европейского консорциума политических исследований в Монреале (Канада), 26-28 августа 2015 г.); (3) 2015 Annual Conference of the Comparative European Politics Specialist Group of the Political Studies Association, MSU, Moscow, November 19-20, 2015 (Ежегодной конференции 2015 Группы специалистов по сравнительной европейской политике Ассоциации политических исследований (Великобритания), МГУ, Москва, 19-20 ноября 2015 г.).

In 2016 study of the governability potential of the BRICS countries was continued to study. Particular attention was paid to the analysis of the basic conditions of governability (consistency and dynamic capabilities of States), associated with the formation and strengthening of political and administrative institutions of development. The latter were identified (1) the institutions of transparency; (2) institutions of cooperation between the state and society; (3) the institutions of 'involvement in public'; (4) the institutions of justice; (5) the institutions of subsidiarity; (6) the institutions of inclusion in global cooperation. The Index of dynamic capabilities of the state was formed, which includes six major variables measured by comparing the scales of international systems of evaluation of modern states. The main variables of the Index of dynamic capabilities of the State included the following indicators: (1) accountability measured level of transparency of government activities; (2) the inclusion, as measured by the level of openness of government for civic participation; (3) responsibility, as measured by the level of "involvement in public"; (4) justice measured by the force and the rule of law; (5) subsidiarity, measured by level of decentralization; (6) trust, measured by the levels of government control over business and society; (7) the sovereignty and external openness to a free cooperation, measured by the levels of multi-vector foreign policy.

Based on this conceptualization of political and administrative institutions the empirical research "Formation of political and administrative institutions in the countries of BRICS" was realized. The specifics of individual countries was revealed in a comparative context. The main results of empirical research are reduced to the following preliminary conclusions: competitiveness of the modern state is largely determined by the degree of development of their dynamic capabilities expressed in the political and administrative institutions; empirical data show a positive correlation between the levels of dynamic capabilities of states, political and economic development and competitiveness; the potential of modern political-economic model of development in the BRICS countries focused on the promotion of social programs as a resource for the maintenance of human capital; the formation of political and administrative institutions of the development of BRICS countries is due to the intensification of cooperation between the state and society, characterized by the country characteristics and models, which are determined by a combination of cultural and global context; the study of institutional trust matters competition (in the whole group of countries identified weak capacity of the formation of institutions of trust); an empirical analysis of the level of dynamic capabilities of the BRICS countries revealed the difference between the "obstacles" and "failures" in the formation and functioning of political and administrative institutions which are described with reference to individual countries;

The problem of institutional learning in the process of political and administrative institutions of development is studied. The problem of the relation between competitive sustainable development and security is studied also. This stable, true security is not only a priority of protective and coercive methods and tools, but above all - the ability of state institutions to ensure sustainable and dynamic development of the country.

The scientific results of the project were presented at three international conferences.

Содержание

1. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ИНКЛЮЗИВНОГО РАЗВИТИЯ (Сморгунов Л.В.)
2. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ В РОССИИ (Т. А. Кулакова)
3. АНАЛИЗ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БРАЗИЛИИ (Блинова Е.А., Шерстобитов А.С.)
4. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ (Волкова А.В.)
5. THE BRICS: ROLE OF DEVELOPMENT INSTITUTES IN THE STATES (L. Vedmetskaya)
6. БИБЛИОГРАФИЯ
7. ПРИЛОЖЕНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ПО СТРАНАМ БРИКС

1. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ИНКЛЮЗИВНОГО РАЗВИТИЯ (Сморгунов Л.В.)

В перечне обсуждаемых сегодня вопросов, касающихся развития стран БРИКС, находится тема связи темпов экономического роста с проблемами справедливости и качества жизни. Хотя в теории экономического роста утверждалась несовместимость эффективности и справедливости, многие исследователи сегодня говорят, что сам по себе интенсивный экономический рост без справедливости не может служить показателем современного развития. Да, по темпам роста некоторые страны БРИКС опережают «старый мир», однако им еще далеко до того состояния, которое обеспечивает удовлетворенность жизнью населения этих стран. При этом в виде простого допущения принимается тезис, что политика экономического роста в этих странах не увязана с проблематикой справедливости и качества жизни. Хотя, конечно, допускается, что без экономического роста эта проблематика не может быть актуализирована, однако считается, что трудно или даже невозможно одновременно решать задачи сочетания роста и качества жизни в условиях современной экономической конкуренции. Взаимосвязь экономического роста и справедливости описывает концепция инклюзивного развития. Как писал Майкл Спенс – лауреат Нобелевской премии по экономике: «Инклюзивность стала самой существенной частью устойчивого роста. Изначально понятие «инклюзивности» пришло в экономическую науку из Индии, но теперь оно используется очень широко. Оно касается распределительных аспектов роста и выражает две основные идеи: 1) возможности, создаваемые ростом, должны быть открыты для людей; 2) степень неравенства доходов и доступа к основным услугам должна быть ограничена приемлемыми пределами» [Спенс, 2013, с. 116-117]. Проблема, следовательно, упирается в синергию целей государственной политики и ее способности сочетать экономический рост и исполнение жизненных функций. Речь идет об управляемости государства, об управлении публичной политикой как о системе, построенной на принципах сложного сочетания задач, а не ранжирования приоритетов. В этом отношении справедливость и качество жизни из отдаленного результата экономического развития превращается в один из его основных факторов и стимулирующую причину.

Категория управляемости активно используется в современных российских экономических, политических, социологических исследованиях. В экономических исследованиях, например, Белоус А.Б. рассматривают управляемость как одну из основ экономической науки и практики управления [Белоус, 2007, 2008]. Усик Н.И. отмечает важность прогнозирования экономических процессов и рассматривает конкурентоспособность как результат грамотного управления [Усик, 2010], Куликов В.Г., Рыбалкина З.М. занимаются количественной оценкой управляемости [Куликов, Рыбалкина, 2008]. Среди работ отечественных авторов также можно выделить исследования Пригожина А.И., Рубцовой М.В., Опрятной О.Н., Култыгина В.П. занимающихся выявлением взаимосвязи управляемости с самоорганизацией общества, неопределенностью и властью (в том числе, ценностным аспектом управляемости) [Пригожин, 1998, Рубцова, 2009, 2010, Опрятная, 2005, Култыгин, 1999]. У Купряшина Г.Л., Грицкевич Т.И. управляемость выступает критерием успеха стратегии административных реформ и государственного управления в целом, поскольку она обобщенно отражает реализацию управленческого потенциала государственных структур [Купряшин, 2011, Грицкевич, 2007].

Управляемость является предметом изучения и стран БРИКС. Так, сравнительные исследования Пановой В.В. фокусируются на оценке различий в потенциалах и параметрах развития Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР [9].

В 2011 г. был создан Национальный комитет по исследованию стран БРИКС в целях исполнения утвержденного президентским указом 24 мая 2011 г. плана мероприятий по

реализации договоренностей, достигнутых на саммите БРИКС в г. Санья (КНР). Исследования по странам БРИКС были осуществлены исследователями МГИМО [Страны БРИКС..., 2012]. Существуют отдельные зарубежные отраслевые исследования по странам БРИКС в связи с проблемой управляемости [Alston, Melo, Mueller, Pereira, 2008, 2009, Foweraker, 1998, Pereira, Orellana, 2009]. Особое значение имеет связь управляемости и экономического роста в условиях неопределенности.

Неустойчивость и неопределенность связаны с новыми условиями - ресурсами и процессами, которые стали определять государственное управление.

В отношении стран БРИКС все же не все так очевидно. Если «азиатские тигры» демонстрировали экономический рост в целом за счет рынка и устойчивого централизаторского проекта управления, то страны БРИКС демонстрируют другую стратегию. Почти все из них пытаются соединить задачи экономического роста с решением проблемы социального исключения, стремились за счет социальной политики поднять уровень человеческого капитала одновременно для развития и повышения качества жизни. Бразилия же демонстрирует более интенсивную политику справедливого экономического роста. В этом отношении интересно сравнение российского опыта патримониального государства, где баланс экономических задач роста упирается в потребности усиления справедливости и качества жизни, с опытом Бразилии и Китая, демонстрирующим разные модели управления публичной политикой, но с результатом движения в сторону уменьшения бедности как социальной изоляции. Социал-демократическая политика последнего десятилетия в Бразилии демонстрирует успех сочетания такой борьбы с бедностью на основе справедливости и роста. Социальная политика в Китае опирается на экономический рост с демонстрацией престижа нового качества жизни. Индия пытается решать проблему бедности колоссальными вложениями в образование и науку.

Концепция справедливого (инклюзивного) экономического роста базируется на стратегической предпосылке единства управляемости, конкурентоспособности и справедливости.

Управление публичной политикой и оценка его эффективности не может осуществляться только по критериям исполнения полномочий и определенных задач. Полномочия могут лишь сказать о том круге вопросов, который могут и должны решать органы публичного управления. Все эти вопросы связаны с организацией условий жизни населения, но не являются целостными показателями жизни населения. В этом отношении понятие «качество жизни» предоставляет большие возможности для выработки и осуществления управления публичной политикой и оценки деятельности органов публичной власти и управления. Следует сказать, что понятие «качество жизни» появляется как реакция на ориентацию оценивать условия жизни только количественными мерами, хотя и не преодолевает до конца эту реакцию¹. В этом смысле качество жизни является скорее синтетической категорией, позволяющей объединить условия жизни с особенностями их использования. Такие понятия, как комфорт, удобство, безопасность, доступность, чистота, разнообразие, выбор, калорийность, эстетичность, скорость и другие являются показателями, по которым могут оцениваться условия жизни населения. Конечно, уровень жизни здесь выступает важным базовым показателем, но если говорить о степени развития жизненных условий, то для современного человека качественные показатели имеют особое достоинство. В этом отношении представляется заслуживающим внимания проект оценивания социальной

---

¹ В этом отношении, например, критикуется показатель ВВП на душу населения. Подчеркивается его ошибочность как меры благосостояния [Duraiappah, Munoz, 2012, p. 363-364].

политики государства не по критерию уровня бедности в экономических терминах, а по показателям «социальной изоляции», определяемой качественными оценками бедности. Важнейшей установкой здесь выступает оценка бедности в терминах включения/исключения, следовательно – принадлежности к социуму. Последнее является важным условием «мобилизации на участие» в публичной политике развития. Такая сложность оценок заставляет трансформироваться и систему государственного (публичного) управления.

В современной политической науке заметна тенденция поиска новой модели государственного управления после финансового кризиса 2007-10 гг. и в условиях нарастания сложности общественных трансформаций. Теоретически и практически ясно, что возрождение государства должно осуществляться с использованием новых методов и форм деятельности. Однако до сих пор задача решается только односторонне: (1) обращается внимание на структурные и процессуальные составляющие государственного управления (политико-административные сети), но в меньшей степени анализируется сопоставимость структур, функций и процессов целям управления; (2) подчеркивается необходимость усиления публично-политического характера управления (менеджмент публичных ценностей), но не ясным является вопрос об архитектуре государственного управления; (3) анализируется состоятельность государства (функционализм) и в меньшей степени его динамические способности. Актуальной задачей в этой связи является соединение многих сторон государственного управления в концепции управляемости. Сложность и неопределенность повышает значение холистского подхода в исследовании, которому соответствует понятие управляемости. Актуальность проблематики определяется также слабой изученностью влияния новых ресурсов, позволяющих решать одновременно задачи управляемости и инновационной конкурентоспособности. Это, конечно, знание, новые технологии и коммуникационные средства. В этом отношении изучение новых моделей государственной управляемости в аспекте построения динамических способностей государства, обеспечивающих ему проактивную роль во взаимодействии со сложными и неопределенными средами, является актуальной задачей.

Государственная управляемость в условиях неопределенности выступает в этом отношении в трех понятиях: (1) управляемость как способность государства использовать свои стратегические ресурсы для повышения конкурентоспособности в мире; (2) управляемость как постоянная координация государством ответственных интересов в публичном пространстве выработки и реализации публичной политики; (3) управляемость как обеспечение политическими институтами справедливости и повышения качества жизни. В общем, государственная управляемость соотносима и с конкурентоспособностью государства и с его суверенитетом как способностью координировать публичную власть, на субъектность реализации которой притязают негосударственные акторы. В целом, «управляемость демонстрирует различные профили разнообразия, динамики и сложности, завися от сочетания открытых и закрытых управленческих интеракций на их интенциональном и структурном уровнях» [Kooiman, 2010, p. 204]. Изменяется природа государственного насилия. Координация посредством легитимного насилия и приказа уступает место координации посредством вовлечения в публичность. При этом публичная власть выступает как постоянно согласуемая воля координируемого сообщества, а не принадлежность неразделенного единства.

Важным выступает объединение управляемости, конкурентоспособности и справедливости в институтах развития. При этом, конечно, институты развития, входящие в национальные инновационные системы (НИС), обеспечивают эффективность и конкурентоспособность экономического роста, потребляя результаты справедливого развития в виде распределения знаний, качественных человеческих ресурсов и социального

включения. Важны также политические институты развития, в рамках которых возможен справедливый экономический рост. Три из них являются решающими: институты многоуровневого управления (институты субсидиарности); институты политико-управленческой интероперабельности (институты «бесшовного правительства») и институты сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества (институты «открытого правительства»). Как представляется, именно они создают не только окружающую среду для развития, но и являются инструментами процедурной справедливости, позволяющей осуществлять публичную политику на принципах сложного сочетания задач, а не ранжирования приоритетов.

Страны БРИКС являются здесь адекватным объектом исследования, т.к. (1) позволяют использовать поиск истоков управляемости каждой из пяти стран на основе методологии картографирования процессов; (2) характеризуются рядом признаков управляемости, отвечающих условиям сложности и неопределенности. Использование методологии картирования процессов для составления гипотетической модели управляемости в условиях глобальной неопределенности применительно к странам БРИКС способствовали формированию следующей общей концептуальной модели: исходные состояния потребности управляемости (политический, социальный, экономический кризис или конфликт; потребность менять тип развития); внешнеполитические стимулы управляемости (суверенитет и глобальная управляемость); построение динамических способностей государства для управляемости (политико-административные реформы и институты политико-административного нового типа развития); сочетание внутренних и внешних политик управляемости (процессы региональной, национальной и глобальной интегрированности; социальный капитал политико-сетевое взаимодействие); события конкурентоспособности государств (динамика разрешения проблем на основе политической интегрированности).

Одним из условий, определяющих особенности реализации управляемости в трех странах БРИКС – Бразилии, Индии и России – выступает федеральная форма устройства государства. Эти федерации очень похожи по ряду общих признаков: асимметричности, интегрированности и разнородности частей. Спорным является выделение симметричных и асимметричных федераций. Понятие симметричных федераций означает однородность составляющих ее единиц и равенство прав и положения между ними. Асимметричные федерации включают различные составные элементы (субъекты и несубъекты) и между элементами федераций нет равенства прав и положения. В этом отношении можно отметить, что юридическое равноправие субъектов федераций, отмеченное в конституциях, нарушается фактическим неравенством (экономическим, социальным, политическим); часто в федерациях отмечаются различные конституционные ассиметрии или различные другие признаки неравноправия. Конституционные виды ассиметрии часто служат решению некоторых проблем, возникающих в федерациях между центральными органами и органами субъектов федерации. Они позволяют ответить на сильное давление со стороны региональных элит в отношении решения ряда вопросов (как, например, в Канаде в отношении Квебека, или в России в отношении Татарстана); часто они служат установлению механизмов, позволяющих решать проблему экономического и социального неравенства субъектов федерации. Рональд Уоттс отмечает, что в целом «в большинстве федераций... признание конституционной ассиметрии обеспечивает эффективный способ ответа на основные различия между субъектами федерации» (Watts, 1999, 68).

Наконец, можно также дифференцировать федерации по уровню централизации, т.е. отношениям между центральными органами власти (федерацией) и органами власти субъектов федерации (единицами федерации). В этом отношении выделяются интегральные

федерации (Мексика, Индия, Россия, Эфиопия, Германия) и деволюционные федерации (США, Швейцария). Иногда эти виды федераций называют кооперативными и конкурирующими соответственно. Уровень централизации в федеративном государстве можно проследить по доле налогов, сконцентрированных в центре (см. табл.). Из таблицы видно, что федерации в этом отношении, конечно, отличаются от унитарных государств. В них до 50% налоговых сборов остается в субъектах федерации и на уровне местного самоуправления. Но и внутри федеративных государств наблюдаются большие различия. Так, в Австрии по сравнению с другими странами доля налогов, концентрируемых в центре – 49,3%, большая, чем, например, в Швейцарии или США, в которых эта доля составляет 35,4 процента; эти же две страны отличаются большей долей налогов, оставляемых на местном уровне, соответственно – 15,8 и 17,2 процента.

Политико-административные институты развития (методология эмпирического исследования стран БРИКС)

Руководствуясь концепцией динамического управления (динамические способности государства), следует обратить внимание на основные составляющие динамических способностей, которые выражаются в строительстве политико-административных институтов.

Индекс динамических способностей включает в себя следующие составляющие:

- 1) Прозрачность государственной деятельности
- 2) Открытость государственной деятельности
- 3) Вовлечение в государственную деятельность
- 4) Правление закона
- 5) Стратегическое планирование
- 6) Глобальные ориентации (разновекторность сотрудничества)
- 7) Сложное мышление

Этому соответствует политика построения политико-административных институтов развития (институциональная инноватика)

Институты	Описания	Источник данных
Институты прозрачности: «открытые данные» + открытость информации на сайтах правительства	Открытость информации о деятельности правительства и о состоянии общества	Глобальный индекс открытых данных: index.okfn.org/
Институты сотрудничества государства и общества: «открытое правительство»	Структура политических возможностей влиять на 1) повестку дня; 2) процесс принятия решений; 3) консультации	Индекс электронного правительства ООН (unpan3.un.org/egovkb) + часть индекса проекта Всемирного правосудия (data.worldjusticeproject.org)
Институты «вовлечения в публичность»	Участие в выборах+участие в партиях+гражданское общество	Электоральные ресурсы в интернете: www.electionresources.org Международный институт помощи в делах

		демократии и выборов (IDEA): http://www.idea.int/vt/
Институты справедливости	Институты, обеспечивающие правление закона для правительства и общества: -ограничение правительственной власти; - отсутствие коррупции; -порядок и безопасность; - фундаментальные права; - открытое правительство; - регуляторная эффективность; - гражданская справедливость; - борьба с преступностью (criminal justice); - неформальная справедливость (традиционная система права)	Данные проекта Всемирная справедливость: worldjusticeproject.org
Институты субсидиарности	Институты, обеспечивающие децентрализацию, деконцентрацию власти: - структура управления (федеральная - унитарная); - выборы исполнительных органов власти на местах (есть-нет); - отмена решений (имеет ли право центральная власть отменять решения региональной власти); - региональные налоги (имеет ли право региональная власть устанавливать	Шкалы 0-4

	региональные) налоги; - трансфер (передает ли центральная власть часть поступающих в центре доходов в регионы) - находятся ли в ведении региональной власти вопросы: А) образования; Б) инфраструктуры; С) полиции	
Институты глобализации	Насколько многовекторной является система международного сотрудничества	Количество международных межгосударственных объединений

2. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ В РОССИИ (Т. А. Кулакова)

Нелинейность развития современного мира, неопределенность и риски как доминирующие факторы, не отменяют, а усиливают настоятельную потребность в освоении способов сложного мышления и принятия стратегических решений. Концепция динамических способностей государства позволяет учитывать влияние зачастую разнонаправленных векторов развития и реагировать на них гибко, контролируя устойчивость государства, как основание его состоятельности и суверенности.

Кроме глобальных факторов, анализ трансформации роли исполнительных органов государственной власти актуализирован сложным контекстом трансформаций системы «политика/управление» в современной России. Демократические принципы, лежащие в основе деятельности российского государства и проводимой им политики, должны были бы определять режимы государственного управления всеми сторонами жизни общества, что предопределяет первенство политики как сферы борьбы политических интересов и ценностей, программ и стратегий, выдвигаемых и реализуемых гражданами и их группами. Однако, несомненно, центром формирования законотворческой деятельности, а значит, и политики, переместился в сторону исполнительной ветви власти, стремящейся упрочить и даже монополизировать процесс принятия решений, принимая имитационные публичные практики (советы при министерствах и ведомствах, организация публичных слушаний, экспертных заключений и пр.). Современной политической наукой признается исключительная роль государства в качестве института, интегрирующего и координирующего социальные взаимодействия (концепция governance), а также наделение новыми функциями органов исполнительной власти в сфере публичного управления, что поставило вопрос об их способности улавливать сигналы «большой» политики и современные тенденции развития, прогнозировать и планировать, четко формулировать цели, принимать решения в отношении сроков и ресурсов изменений, определять способы решения задач, своевременно минимизировать издержки, формировать компетентные управленческие

команды – т. е. о способности управлять реализацией согласованных с обществом политических решений.

Рукотворный кризис 2014 года был вызван нечуткостью правительственных структур и ЦБ к внешним и внутренним вызовам, обострил социально-экономическое и политическое состояние в стране. Но выход из создавшегося положения ищется не в изменениях модели экономического, социального и политического развития, а в испытании на прочность лояльного населения, обеспечивающего высокий рейтинг Президента РФ. Не сформировав стратегии развития, не определив даже в общих чертах «образ желаемого будущего» (нельзя же таковым считать программу 2020), правительство с легкостью предлагает решать созданные проблемы за счет населения «Правительственная комиссия по бюджетным корректировкам приняла решение, что пенсии в России с 1 февраля 2016 года будут проиндексированы на 4% для всех, кроме работающих пенсионеров [В Госдуме решили дважды повысить пенсии в 2016 г. // Взгляд 9 октября 2015. Vz.ru/news/2015/10/9/771426.html], в тот же день «Минфин предложил повысить величину прожиточного минимума пенсионера в целом по России для определения размера федеральной социальной доплаты к пенсии на 2016 год до 10тыс.755 руб» [Минфин предложил повысить прожиточный минимум пенсионера до 10 тыс.755 руб. // Взгляд. 7 октября 2015. Vz.ru/news/2015/10/7/771045.html]. Но представленный доклад по проекту бюджета[<http://audit.gov.ru/upload/iblock/8d8/8d89ab8cae2a8bc39cd380b9b6f44c77.pdf>] Главой Счетной палаты Российской Федерации показал, что правительство имеет возможность для маневра, если будет исполнять возложенные на него функции. «Самая тяжелая тема – это социальные расходы, констатирует Голикова. У нас плохие оценки. По числу граждан, находящихся за чертой бедности, мы выходим на уровень 2006 года. То есть девальвировались все усилия последних лет, когда мы, например, повышали пенсии и другие социальные выплаты. Поэтому в бюджете нужно предусмотреть различные антикризисные компенсации... Многие процедуры должны быть разбюрокрачены, - считает Татьяна Голикова. – Нам нужно как можно эффективнее использовать имеющиеся ресурсы. И лично я не уверена, что мы пошли по правильному пути, приняв решение сократить индексацию пенсий в следующем году» [Глава Счетной палаты Татьяна Голикова: "Надо не пенсии сокращать, а деньги эффективнее тратить" // "Комсомольская правда" <http://www.audit.gov.ru/>]. Общество напряженно, но молча прислушивалось к прогнозам чиновников высокого уровня о неизбежности повышения пенсионного возраста и ограничений размеров выплат, замораживании накопительной части пенсий или отмене выплаты пенсий работающим пенсионерам, зарабатывающим 1 млн. руб., гражданские институты, Общественная Палата, ОНФ, СПЧ не выступили публично по этой проблеме. «Новость о грядущем прекращении индексации пенсии для работающих пенсионеров (законопроект внесен в Госдуму, и вряд ли он не будет одобрен проправительственным большинством), не имела в СМИ освещения, которым обычно сопровождаются любые, даже скромные социально-экономические успехи страны» [Смагин С. Иногда лучше говорить, чем молчать. Политолог Станислав Смагин о том, почему от идеи отмены индексации пенсии может пострадать имидж государства. Известия 3 ноября 2015. <http://izvestia.ru/news/594763#ixzz3qXjqp7gp>]. С другой стороны, Общественная палата и ОНФ активнее стали заниматься экспертизой федеральных законопроектов. [Общественная палата РФ предложила доработать закон о самозанятых гражданах // Общественная палата РФ. Официальный сайт. 29 сентября 2015. www.oprf.ru/1449/2133/1537/2142/newsitem/31048], Законопроект о социальной поддержке по принципу адресности и нуждаемости обсуждался в Общественной палате и был оценен экспертами как не отвечающий интересам групп, для поддержки которых он разработан. «Мы считаем, что закон должен предполагать несение

ответственности за заведомо ложные данные, предоставляемые для получения государственной социальной помощи. Необходимо решить ряд серьезных проблем, которые существуют в социальной сфере: в первую очередь, решить вопрос неформальной занятости, которая насчитывает 20 млн. граждан. Также необходимо обеспечить эффективное функционирование закона «О социальном обслуживании граждан РФ» [ОП РФ не поддерживает закон о соцподдержке по принципу адресности и нуждаемости //Общественная палата. Официальный сайт 13 октября 2015. www.Oprf.ru/1449/2133/1537/2142/newssystem/31235].

Ограничение монополии исполнительной ветви власти на определение векторов развития, использования управляющего воздействия без учета мнений общественников есть шаг в развитии разноплановых способностей государства, как и в развитии способностей гражданского общества к взаимодействиям с государством, определяющие развитие современной России. Идея эволюции политического и административного режимов государственного управления, связей и отношений в различных сферах жизнедеятельности общества увязывается с повышением способностей всех участников взаимодействий в различных средах на основе сочетания их интересов, когнитивных установок и моральных ценностей (доверия, ответственности, честности).[Кулакова Т.А., Кузнецов Н.В. Управляемость: механизмы идеологической координации современного российского государства // Конфликтология. Ежеквартальный научно-практический журнал. № 4. 2014. С.160-177. С.162.]. Поиск способов государственного и административного управления, отвечающих требованиям современности, ведется в направлении демократизации, децентрализации и делегирования полномочий, как в части принятия политических решений, так и на этапе их имплементации, гражданскими организациями и объединениями которые осуществляют взаимодействие с государством на постоянной основе. «Деловая Россия», «Опора России», Общероссийский народный фронт, институты Российской Академии наук формируют плотные и конструктивные узлы взаимодействий по важнейшим социально-экономическим и политическим проблемам, организуя публичные площадки, где происходит формулирование перспективной повестки дня.

Несомненно, к числу таких узловых институтов относится Агентство стратегических инициатив, активно взаимодействующее с Фондом развития интернет-инициатив, РСПП, Деловой Россией, ТПП РФ, Опорой России, Российским экспортным центром, Клубом лидеров, Компанием Эрнст энд Янг, Внешэкономбанком, Сбербанком России и другими партнерами. АСИ организовало серию проектов по улучшению условий для ведения бизнеса, привлечения инвестиций в субъекты РФ, составило «дорожные карты» Национальной предпринимательской инициативы, внедрило их и организовало мониторинг процесса изменений. Так, Региональный инвестиционный стандарт (15 лучших инвестиционных практик) открывает возможность бизнесу влиять на решения власти, являясь коммуникационной площадкой, где бизнес проводит оценку усилий власти по исполнению того или иного требования Стандарта. В процесс включаются все деловые сообщества, поскольку возможность прямого диалога, возможность обучения через освоение успешных практик объединяет людей. В программе участвует 85 регионов, 70 из которых уже завершили внедрение стандарта [asi.ru/investclimate].

Теория сетей обосновала необходимость взаимодействий государства, бизнеса и гражданского общества, продуцирующих справедливость, сотрудничество, взаимответственность, расширяя измерение экономической эффективности государственного управления иными – ценностными – категориями. В концепции «governapace», дополнившей теорию сетей, доминантой является деятельностная модель государственного управления, в основе которой – рост качественных изменений

способностей государства. Подчеркнем, что в концепции нового способа руководства (governance) получила свое выражение относительная автономность административной системы. Концепция «способности государства» (state capacity), уточняющая и дополняющая концепцию нового способа руководства (governance), позволяет выявить освоенность органами исполнительной государственной власти разнообразных управленческих практик, необходимых при реализации публичного управления. Современная практика управления, как можно видеть на примере деятельности АСИ, ОНФ, группа «Открытые данные» и другие сообщества дистанцируется от узко понятой рациональности, отдавая предпочтение неформальным, гибким и коммунитарным методам принятия и реализации решений. Обращение институтов развития к коммунитарным практикам принятия политических и управленческих решений и выяснению содержания понятия «общее благо» стало ответом на беспощадную разрушающую силу рынка. Летом 2015 года Д.Медведев подписал распоряжение о программе повышения квалификации федеральных чиновников по ряду приоритетных направлений, в число которых включен и английский язык. По индексу уровня владения английским языком Россия находится на 39 месте (показатель 52). Такой же показатель у Китая, Индия оказалась во второй группе стран с высоким уровнем знания английского. Исследование компании EF Education First «Индекс владения английским языком EF» показывает, что уровень владения английским языком населения страны напрямую связан с ее экономической конкурентоспособностью. [Мануйлова А. Россияне не спешат осваивать английский язык // Коммерсант. 5.11.2015. www.kommersant.ru/doc/2846907 (дата обращения 5.11.2015)].

Системный характер снижения расходов бюджета на социальные статьи подрывает основы безопасности страны. Расходы на образование составят лишь 78% от уровня 2012 года, дошкольное и школьное образование вменено региональным бюджетам, но возможности финансировать эту сферу и субъектов РФ нет. [Волкова О., Ткачев И. Эксперты ВШЭ предупредили об опасности остаться без флота и ракет // РБК 4.11.2015. rbc.ru/economics/04/11/2015/5638ebda9a7947tb4b04525f (дата обращения 5.11.2015); Волкова О. Ректор ВШЭ увидел в молодых россиянах новый класс безработных // РБК 25.10.2015. www.rbc.ru/economics/25/10/2015/562bfaa99a7947bc0657ca22 (дата обращения 5.11.2015).] Вопрос о нехватке квалифицированных работников на совещании в правительстве 5.11.2015 г. Министерством образования и Агентством стратегических инициатив утвержден перечень наиболее перспективных профессий (50), в которую включены инженеры группы робототехнических средств, беспилотных летательных аппаратов, операторы оборудования и пространственного моделирования для строительства, разработчики веб-и мультимедийных приложений. Ведется работа по подготовке профессиональных стандартов, до конца года будет разработано 800 стандартов. Подготовлен проект закона о развитии и образовании сети независимых центров по оценке квалификации. Созданный портал «Работа в России» отвечает всем требованиям электронного правительства, будет стимулировать трудовую мобильность в стране [government.ru/news/20382]

ОТКРЫТЫЕ ДАННЫЕ

В октябре 2013 года Институт открытых данных (Open Data Institute, ODI), созданный по инициативе Тима Бернерса-Ли, сделал презентацию 13 узлов (ODI Nodes) по всему миру, объединивших университеты, компании и НПО, поддерживающие сообщества и проекты, основанные на открытых данных. На создание объединения потребовалось четыре года, формат взаимодействий был открытым. Каждый узел принял хартию ODI, основанную на открытых данных бизнеса, публикаций, коммуникаций и сотрудничества. ODI Nodes

показывает, как люди могут использовать информацию, объединяя опыт и ресурсы. Три типа узлов дополняют друг друга в архитектуре ODI: национальные представляют собой независимые НПО, создающие национальные центры компетенций, представляя как государственный, так и частный сектор, университеты. Узлы ODI -США и ODI –Канада имеют инновационный статус; городские и региональные узлы занимаются обучением и ведут исследовательские проекты (ODI-Дубай, ODI-Чикаго, ODI-Северная Каролина, ODI -Тренто, ODI-Манчестер, ODI-Брайтон); коммуникативные узлы исследуют практики использования открытых данных по всему миру, формулируя предложения по адекватным изменениям и развитию (ODI-Гетеборг, ODI-Москва, ODI-Буэнос Айрес).²

Направление открытости и понятности государства гражданам развивается в России во многом благодаря энтузиазму небольшой группы людей во главе с Иваном Бегтиным, которыми создана Школа информационной культуры (АНО «Информационная культура» и проект «Открытое государство» (polit.ru)

В 2014 году при участии Всемирного банка, Open Government Partnership, World Wide Web Foundation и других крупных интересатов сформировано особое партнерство по открытым контрактам, главными задачами которого обозначены увеличение числа государственных контрактов, размещаемых открыто для удовлетворения потребностей как государственных, так и независимых пользователей. Целью партнерства состоит в экономии средств налогоплательщиков, ограничении коррупции и приумножении общественной пользы (выгоды) ввиду рационализации алгоритма деятельности. Создан стандарт OCDS на принципах открытости информации по государственным контрактам, который обеспечивает возможность их анализа и использования специалистами и ученым. Своевременная публикация данных, отражение перипетий заключения контрактов, реально произведенных затрат и результатов – главное преимущество OCDS. Стандарт встраивается в Open Spending (OKF) Open Budgets (Всемирного банка), что расширяет границы использования продуктов.

Российский Портал закупок (zakupki.gov.ru) в настоящее время по своей архитектуре и направленности позволяет не только анализировать информацию, изучение государственных и муниципальных контрактов но и является каналом вовлечения общественности в решение государственных задач. С 2005 года правительство Российской Федерации публикует информацию по всем государственным заказам на основе Федерального закона № 94, а с 2013 года уже Федеральным законом № 44 предписана публикация в открытом доступе детальных данных, с размещением объявлений о тендерах, о заключенных контрактах (включая заказчиков и поставщиков, всех транзакций, акты), подробного описания контрактов, и сканированных документов. В этом плане правительство России проявило редкую готовность к открытости сведений для общественности о государственных расходах. Недостатки портала в ограниченности возможностей поиска и сравнительного анализа контрактов, перегруженности ресурса. Представитель Open Contracting Partnership Георг Нейманн считает, что «раскрытие государственных контрактов – это мощный потенциал, позволяющий рационализировать использование денег налогоплательщиков, бороться с мощенничеством и коррупцией, делать госуслуги более надежными и качественными. А также способствовать развитию более честной и здоровой бизнес-среды. Публикация всех закупок, тендеров и полной документации контрактов, как это делается в России, - это важный первый шаг. Следующий шаг – это приведение этих данных в соответствие со стандартом и привлечение гражданского общества к мониторингу государственных

---

² Сакоян А. ODI объявил о создании новой глобальной сети / Полит.ру 31 октября 2013
polit.ru/article/2013/10/31

контрактов и участию в процессе принятия решений. Этот шаг очень важен для реализации потенциала открытых контрактов – и если бы это произошло в России, она бы оказалась в мировом авангарде по прозрачности государственных затрат».³

Минфин публикует в машиночитаемом формате исторические бюджеты России 1912-1915 годов, а также структуру расходов государственного бюджета 1937 – 1950 гг. в рамках открытого конкурса для разработчиков и журналистов BudgetApps (конкурс проводится совместно с НП «Инфокультура».⁴ За четыре месяца проведения конкурса его сайт посетили 18 000 уникальных пользователей. Успешность конкурса определила решение о ежегодном его проведении.⁵ Подобные акции проводятся правительствами и стейкхолдерами стран, активно включившихся в процесс формирования открытых данных, поскольку встречают слабый спрос ввиду недостатка информированности граждан и гражданских институтов, пробелы в культуре подачи материала и цифрового разрыва, ведомственной разобщенности и неготовности к работе с такими массивами информации, а также утаиванию сведений⁶.

Фонд открытых знаний публикует рейтинг территорий «Индекс открытых данных», куда вошло 97 территорий. Первые места второй год занимают Великобритания и Дания. Краудсорсинговая экспертиза – метод формирования рейтинга, в экспертизе принимают участие представители некоммерческих организаций и государственных институтов, специалисты по открытым данным, которые оценивают доступность и пригодность наборов данных. Затем результаты вновь оцениваются другими участниками и проверяются экспертами. Формированием и наполнением российского единого портала данных занимается Министерство экономического развития. Основной российский сайт открытых данных Data.gov.ru является агрегатором данных различных ресурсов, что определяет его низкую эффективность по сравнению даже с сайтом Data.mos.ru, на котором выложены данные из государственных систем более организованно. И. Бегтин полагает, что индекс достаточно объективен и показателен. Отставание России во многом он объясняет бюрократизированностью процесса и незаинтересованностью ответственных лиц в предоставлении и качестве данных потенциальным пользователям по ключевым проблемам ведомств⁷

Согласно глобальному индексу открытых данных, Российская Федерация занимает 45 в индексе за 2014 год, опустившись в рейтинге с 33 места, занимаемого ею в 2013 г., сохранив балл по открытости данных 43%. В индекс 2014 года были включены несколько стран, получивших более высокие оценки открытости, среди которых Пакистан, Грузия,

---

³Сакоян А. Открытость и госконтракты/ Полит.ру Polit.ru/article/2015/08/31/open_data/ (дата обращения 30.10.2015)

⁴ Минфин начал публиковать данные исторических бюджетов // полит.ру. 16 января 2015. Polit.ru/news/2015/01/16/minfin/(дата обращения 30.10.2015).

⁵ Сакоян А. BudgetApps: итоги / Полит.ру. [polit.ru article/2015/04/21/](http://polit.ru/article/2015/04/21/)(дата обращения 30.10.2015).

⁶ Сакоян А. Спрос на открытые данные /Полит.ру. 04.04.2015 /Полит.ру polit.ru/article/2015/04/04/open_data (дата обращения 30.10.2015).

⁷ Сакоян А. Открытые данные РФ: отстающая стабильность / Полит.ру 13.12.2014 polit.ru/article/2014/12/13/opendata (дата обращения 01.11.2015)..

Латвия, Парагвай, Косово, Уругвай, Чили, Колумбия и Косово. Более высокие оценки получили Тайвань, ЮАР, Венгрия и Ирландия, что и отбросило Россию на 12 позиций вниз. На сайте index.okfn.org показано, что открытые данные как институт существуют в Российской Федерации, представлены они в цифровом виде, общедоступны, предоставляются бесплатно, машиночитаемы, выложены в Интернет. Данные о государственных расходах представлены на портале <http://zakupki.gov.ru>, но говорить о полноте представленных сведений не представляется возможным: если в 2013 году выложенная информация оценивалась в 70%, то в 2014 – уже 43%. Данные о расписаниях транспорта (воздушного, железнодорожного <http://pass.rzd.ru>) находятся в открытом доступе в интернете, но на региональном уровне эта проблема не решена, зачастую расписания транспорта местного сообщения в интернете нет.

Реестр зарегистрированных компаний представлен на портале <http://egrul.nalog.ru>, обновление происходит в ежедневном режиме, доступны для публики, но не представлены в машиночитаемом виде.

Все российские законы и нормативные документы министерств, ведомств и служб доступны публике на сайте <http://pravo.gov.ru>, предоставляются в свободном режиме (бесплатно), нормативная база на сайтах министерств и ведомств зачастую выложена в отсканированном виде, машиночитаемой базы нет. Также нормативные акты предоставляются коммерческими порталами компаний "Консультант" (<http://consultant.ru>) и "Гарант" (<http://www.garant.ru>).

Бюджетные данные на национальном уровне доступны на портале <http://budget.gov.ru/data/opensource>; данные обновляются ежемесячно, открыты и доступны.

Специальный правительственный портал <http://fedstat.ru> предоставляет статистическую информацию.

Данные по геоданным и почтовым индексам являются слабым массивом российских данных. Иван Бегтин, самый энергичный представитель российского сообщества сторонников продвижения технологии открытых данных, относит эти пробелы к сохранению ограничений на геоинформацию, связанных с государственной тайной.

Федеральные данные по транспорту представлены расписаниями РЖД, но они представлены не в машиночитаемом формате.

Для продвижения идеологии открытых данных и распространению компетенций, позволяющих пользоваться ресурсом журналистам и другим заинтересованным группам, в 2013 году была создана Школа открытых данных, которая пытается сократить разрыв между созданными базами данных и несформированностью интереса к ним⁸ для привлечения внимания общественности и организации сообщества.

Достаточно высок уровень открытости электоральных данных на портале <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom>.

По степени развитости институтов сотрудничества государства и общества (открытое правительство) Россия занимает 27 место (из 193 стран, вошедших в рейтинг открытых данных).

Показатели России в глобальном индексе открытых данных, отражающем степень информационной открытости деятельности правительства и состояния общества, достаточно низки, не смотря на прилагаемые усилия. Это объясняется и активным включением в процесс

---

⁸ Сакоян А. Школа открытых данных: эффект / Полит.ру/ polit.ru/article/2014/03/09/od

«открытия» правительств других стран, которые существенно потеснили Россию с 27 места, занимаемого в 2013 году, на 41 место в 2014 году (степень открытости 60%).

Если Южная Африка имеет открытый бюджет в 55%, имея данные в цифровом виде, которые являются общедоступными и бесплатными, открыты в интернете, выложены в машиночитаемом виде и в полном объеме на актуальной базе, то Российская Федерация среди тех, кто выкладывает информацию в цифровом виде общедоступным образом бесплатно в интернете в машиночитаемых форматах, данные доступны в полном объеме, но не имеется принятой лицензии и не используется актуальный материал - 40 место в 2014 году, хотя была на 24 месте в 2013 году.

По электоральной статистике Россия занимает 53 место для этого межстранового показателя; данные доступны в цифровом виде, общедоступны, бесплатны и выложены в интернете, но не имеют машиночитаемой формы, не доступны целиком, выложены без лицензии, но актуальны (результат 45%, 33 место).

По степени открытости законодательства Россия на 34 месте в 2014 (25 в 2013 году), поскольку нет машиночитаемых данных, в цифровом виде нет, нет открытых лицензий для законов, государственные сайты не интегрированы с pravo.gov.ru, но содержат отсылки на коммерческих поставщиков информации consultant.ru и garant.ru. информация обновляется в ежедневном режиме, но нет возможности скачивания в полном объеме, формат html, предоставляются бесплатно.

В оценке национальных карт (геоданных) Россия опустилась на 70 место (с 53 в 2013 г.). Данные существуют, есть в цифровом виде, нет публичного доступа, оплачиваются, нет в интернете, выставлены не в машиночитаемом формате, недоступны в полном объеме, нет лицензии и не отвечают требованиям актуальности.

Регуляция в сфере бизнеса также оценена понижением ранга, по регистрации компаний Россия занимает 26 место, опустились с 16 в 2013 г. Данные о зарегистрированных компаниях доступны для всех на портале ЕГРЮЛ, публичны и бесплатны, информация регулярно обновляется, но нет машиночитаемых данных, нет лицензии.

Российские транспортные расписания: 24 место в 2014 г. (13 в 2013 году); данные есть, в цифровом виде, общедоступны и бесплатны, есть в интернете, но не в машиночитаемом формате, в целом объеме недоступны, нет лицензии, но актуальны.

По открытости и доступности почтовых индексов Россия на 42 месте (43 место в 2013 г.); данные существуют в цифровом виде, но не публичны, бесплатно не доступны, нет в интернете

По открытости государственных расходов Россия занимает 3 место, в 2013 г.- 6; данные в цифровом виде, общедоступны и бесплатны, в интернете, машиночитаемая форма XML, доступны в полном объеме, актуальная база, но нет лицензии.

По многим социально-экономическим показателям страны БРИКС достаточно однородны, что может быть использовано для выработки общей стратегии развития объединения. Только Россия последние годы теряла приобретенное, а остальные страны даже в маленьких подвижках способны ценить успех. Тем сложнее для российского государства правильно встроиться в партнерство. Китай, Бразилия, Индия в некоторых промышленных отраслях на сегодняшний день имеют задел развития больший, нежели Россия, при этом обладая завидными ресурсами и индустриальной мобилизованностью, устремленностью к развитию. Страны имеют значительные территории и людские ресурсы (43% населения планеты), но экономически слишком утесненное население, малоспособное создать давление спроса на собственную экономику. Высока социальная напряженность в силу экономических

и статусных разрывов. Доля экономически активного населения в странах БРИКС составляет от 37,6% в ЮАР до 65,5% в Бразилии; доля экономически активного населения в России - 55,6%. Уровень безработицы в России всего 5,2%, тогда как в Индии - 3,4%, а в ЮАР - 25,1%, в Китае - 4,1%, Бразилии - 6,5%. ВВП на душу населения (текущие цены/долл. США) в Бразилии 11 571, в России 12 874, Индии 1 633, Китае 7 595, ЮАР 6 483. [БРИКС. совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 12.] По уровню жизни населения страны БРИКС вполне сравнимы. Так, государственные расходы на образование (в % к ВВП) в ЮАР составляют 6,9%, в Бразилии 5,3%, в России и Китае по 4,3%, в Индии 3,1%. Государственные расходы на здравоохранение в процентах к ВВП в Китае 5,6%, в Бразилии 4,9%, в ЮАР 4,1% в России 3,5%, в Индии 1,2%. [БРИКС. совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 12.]

Коэффициент Джини (доходы домашних хозяйств или индекс концентрации доходов (степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов населения от линии их равномерного распределения) в Бразилии в 2013 г. составлял 0,497, в России 0,416, в Индии по сельскому населению он составляет 0,280, по городскому - 0,367; Китае 0,469, а в ЮАР 0,650. В то же время, индексы промышленного производства показывают лидирующее положение Китая, которому, однако, стоит большого напряжения поддерживать динамику развития. Так в 2014 году Бразилия имеет индекс 96,7, Россия - 101,7, Индия - 99,9 (2013), Китай - 108,3, ЮАР 99,9. По производству железной руды и стали Китай занимает первое место в БРИКС, а по производству легковых автомобилей и телевизоров опережает Россию практически на порядок. [БРИКС. совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 13.] В производстве энергии, первичной энергии и потреблении энергии Китай значительно превосходит все страны БРИКС, включая Россию. Объем среднедушевого потребления энергии (млн. т нефтяного эквивалента) в России - 13,0 (т условного топлива), Индии - 466, Бразилии - 1467. При этом экспорт электроэнергии Бразилией составляет 467,2 млн.кВт.ч., Россией 15,7 ; Китаем 18670 млн.кВт.ч., а импорт Бразилии - 40 334 млн. кВт.ч.; России - 11,5 млн.кВт.ч.; Китая - 7 440 млн.кВт.ч. Среднедушевое потребление электроэнергии в России 7350 кВт.ч, Бразилии - 2410, Индии - 957, Китае - 3993. [БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015. БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015. - 235 с. С. 108].

Значительно превосходство Китая и в производстве сельскохозяйственной продукции при сходстве размеров площадей обрабатываемых земель: 557 млн. т зерновых против 105 млн. т в России, 1021 млн. т овощей и фруктов против 19 млн. т в России. Производство мяса в Китае достигает 87 068 т, показатель России (9047 т) уступает и показателю Бразилии (23 803т). [БРИКС. совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 14.] Также значительны расхождения по улову рыбы, словно Россия перестала быть морской державой.

Транспортная инфраструктура России много уступает не только Китаю, но и другим странам БРИКС. По эксплуатационной длине железнодорожных путей Китай (112 000 км) почти на треть обгоняет Россию (86000), а по протяженности автомобильных дорог - больше, чем в четыре раза (4464 000 против 1018 000). Очевидно превосходство и по пассажирообороту воздушного транспорта: если в Китае он составляет 633334 млн.пассажиро-км, то в России всего 241 429. [БРИКС. совместная статистическая

публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 15.] Пассажиروоборот всех видов транспорта в России составляет 543,8 млрд.пассажиро-км, а в Китае - 3010. Грузооборот всех видов транспорта в России 5077 млрд.тонно-км, а в Китае - 18 540. [БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015. БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015. - 235 с. С. 140.]

Структуры экономики стран БРИКС отличаются существенным образом. Если доля первичного сектора (сельское хозяйство, лесоводство, животноводство, и рыболовство, кроме вспомогательных отраслей для их развития) экономики в ВВП в Китае составляет 9,2%, ЮАР - 10,9%, Индии 19,5%, Бразилии 5,6%, то в России 4,2%. Доля вторичного сектора (добыча полезных ископаемых, кроме вспомогательной деятельности, и обрабатывающей промышленности, кроме ремонта машин и оборудования, производство и распределение энергии, пара, газа и воды, а также строительство) в экономике в Китае составляет 42,6%, в России 35,8%, Бразилии 23,4%, Индии 27,5%, ЮАР 21,0%. Доля третичного сектора (прочие виды экономической деятельности) в Бразилии 71,0%, России 60,0%, Индии 53,0%, Китай 48,2%, ЮАР 68,0%. [БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 42.]

Процентное распределение доходов или потребления по 20-процентным группам в России: группа с наименьшими доходами 5,2, вторая группа - 9,8, третья группа 14,9; четвертая - 22,5; группа с наивысшими доходами - 47,6; соотношение доходов квинтильных групп 7,4. [БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 69.]

Соотношение доходов в странах БРИКС представлено следующими показателями:

17,4 Бразилия [БРИКС. совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 66.]

4,4, для сельской местности и 6,6 для городских поселений в Индии [БРИКС. совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 71.]

10 ,1 - Китай [БРИКС. совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 74, 76.]

45,9 - в ЮАР [БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015. - 235 с. С. 78.]

В структуре потребительских расходов (%) россиян занимают 27,7 % продукты питания (если включать расходы на питание вне дома - 31,2%); 21,1% - транспорт и связь, 10,5% - коммунальные услуги и топливо, 9,5% - одежда и обувь; 6,7 % - предметы домашнего обихода, бытовая техника, уход за домом; 3,6% - здравоохранение; 7,2% - организация отдыха и культурных мероприятий; 1,0 % - образование; 10,0 другие товары и услуги. [БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 69.]

Жилищный фонд в России по преимуществу представлен частной собственностью (87,8%), государственная собственность охватывает 3,4% жилья, муниципальная 7,7%, прочая 0,3%. [БРИКС. совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 69.]

Только 79,5% жилищного фонда Российской Федерации имеет водопровод внутри жилого помещения, канализация есть в 74,9; жилья, отопление - 84,3%, горячее водоснабжение 66,2%, ванна (душ) 67,7%; газ (газопроводная сеть, сжиженный газ) - 67,5%. [БРИКС. совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 70.]

В то время как в Бразилии жилища с водопроводом составляют 94,9%, газом для приготовления пищи обеспечено 95,1% жилья. [БРИКС. совместная статистическая публикация. 2015, БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015.-235с. С. 67.] Городское население Китая на 91,4% обеспечено доступом к газу, а сельское – на 68,4% имеет доступ к водопроводной воде. [БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015. БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015. - 235 с. С. 75.]

Информационное общество в странах БРИКС измеряется косвенными показателями: число основных телефонных аппаратов телефонной сети общего пользования везде значительно уступает числу абонентов сотовой мобильной телефонной связи (на 1 тыс. жителей): Бразилия - 1380; Россия - 1908; Индия - 746, Китай – 945. В Китае 175 персональных компьютеров на 1 тыс. чел., количество интернет-пользователей – 479 на 1 тыс. чел.

Доля налога на доходы в общем объеме доходов государственного бюджета (%): Россия 10,2, Китай - 22,8, ЮАР - 46,6 БРИКС. [Совместная статистическая публикация. 2015. БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015. - 235 с. С. 156.]

Доходы и расходы консолидированного бюджета (органов государственного управления) России. Доходы в составили в 2014 году 26 371 млрд. руб. Структура их такова: налог на прибыль организаций 9,0 %, налоги на доходы физических лиц 10,2, налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами 11,1 %, доходы от внешнеэкономической деятельности 20,7%. Расходы составили 27 216 млрд. руб.: расходы на общегосударственные расходы 6,0 %, национальная экономика 16,7%, социально-культурные мероприятия 54,2%. [БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015. БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015. - 235 с. С. 159.] Все данные по другим странам БРИКС дают более подробные расшифровки налоговых и неналоговых поступлений, а также расходов на государственные услуги. Доли налога на доходы в общем объеме доходов государственного бюджета сопоставимы.

Импорт России из стран-участников БРИКС составил 50 млн.дол.США, Индии 3 172, Бразилии 3969, ЮАР 691. Экспорт России в страны-партнеры по БРИКС: Китай 37 505, Индия 6341, Бразилия 2366, ЮАР 285. Экспорт основных товаров - нефть сырая, нефтепродукты и газ природный, импорт - мясо свежее, лекарственные средства, автомобили легковые. [БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015. БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015. - 235 с. С. 179.]

Несмотря на то, что в сборнике скупно представлена структура российского экспорта, надо отметить наметившуюся динамику ее изменения. За 2015 год сократился внешнеторговый оборот России, за первое полугодие он составил 270,7 млрд. долларов, что на 32,65% ниже, чем за первое полугодие предыдущего года. Доходы также сократились на 28,8% до 183,04 млрд. долларов. Наметилось снижение топливно-энергетических товаров в экспорте с 75,3% до 68,1% за счет включения металлов (с 7,5% до 9,6%), продукции химической промышленности (с 5,0% до 6,6%), машин и оборудования (с 3% до 5,1%).

Поддержка экспорта отечественных производителей Экспортного страхового агентства России (ЭКСАР) позволила металлургической и химической промышленности, сельскохозяйственного и энергетического машиностроения выйти на мировой рынок. В структуре экспорта России по странам мира первое место занимает ЕС (46,0%), страны АТЭС (27,6%), СНГ (12,1%), ЕАЭС – 21%. Кризис изменил инвестиционные планы промышленных предприятий, которые не могут существенно нарастить объемы производимой продукции и закрепиться на рынках. Торговые связи с Китаем остаются важной статей экспорта (11% товарооборота). Крупные отраслевые российские компании наращивают поставки в Китай пищевой продукции: растительное масло, мясная и молочная продукция, сахар, кондитерские изделия.⁹ За последний год поставки сельскохозяйственной продукции увеличен на 15% (20 млрд.дол). Прирост поставок автомобильного концерна Lada составил от 20% в Казахстан до 4,5 раз в Германию.¹⁰ На Россию приходится треть стоимостного объема поставок современных танков. Танк Т-90 закупает Индия, рассчитывая иметь к 2020 году 2000 единиц (стоимость 2,5 млн. дол. За штуку). Экспорт сельскохозяйственной техники увеличен в Германию, Францию, Болгарию, Турцию, Канаду и Азербайджан в три раза, в Казахстан, Монголию и Таджикистан в два раза, в Кыргызстан и Венгрию на 30%. Нехватка макулатуры на внутреннем рынке вызвала появление постановления правительства о внесении ее в состав важных товаров и временный запрет экспорта бумаги и картона. Переработанное сырье на внутреннем рынке позволило выручить за экспорт регенерируемого продукта 65 млн.долларов. Увеличивается рост экспорта свинины (15 тыс.т) и мяса птицы (70 тыс.т).¹¹

Китай поставляет на экспорт механическую и электрическую продукцию, продукция отрасли высоких и новых технологий, металлопрокат, машины для автоматической обработки данных и их компоненты и запчасти к ним, телефонные аппараты и пр.[БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015. БРАЗИЛИЯ, РОССИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ, ЮАР / РОССТАТ. - ИИЦ «СТАТИСТИКА РОССИИ. 2015. - 235 с. С. 185.]

Институты справедливости в России

Управляемость государства и «социальная устойчивость зависит от поддержания справедливых учреждений» [Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии в 2-х тт.Т.1. СПб., Издательство «Алетейя». 1998. 361 с. С. 26.]

Справедливость – философская, этическая и идеологическая категория. Идеология как форма выражения ценностных установок, социально-экономических и политических интересов формируется в процессе сотрудничества людей по решению стратегических и тактических задач, выработанных и принятых публично. Идеология как совокупность идей,

---

⁹ Звенигородцева А. Россия разнообразила экспорт // Газета. ru / www.gazeta.ru/eksport/2015/15/08/26_a_7719377.shtml (дата обращения 02.11.2015).

¹⁰ Звенигородцева А. Зачем России ВТО. 24.09.2015 // Газета.ru 24.09.2015. www.gazeta.ru/eksport/2015/09/24_a_7775321.shtml (дата обращения 02.11.2015).

¹¹ Звенигородцева А. 10 любопытных фактов о российском экспорте / Газета.ru 21.09.2015. www.gazeta.ru/eksport/2015/09/21_a_7764959.shtml (дата обращения 02.11.2015).

убеждений и понятий, цель которых понять, объяснить, оправдать или критиковать существующий в данный момент социальный порядок. Через идеологию общество воспринимает социально-экономическую и политическую трансформацию. Наличие идеологии справедливости помогает ограничивать институты государственного насилия. Имея духовное измерение, справедливость – это и политико-правовой институт, т.е. то, что делается, развивается сознанием и деятельностью миллионов, а не только правительств. «Все в человеке и его истории имеет духовное измерение. И если оно его не имеет, то и не является достаточно человеческим» [Козин Н.Г. Россия. Что это? В поисках идентификационных сущностей. – М.: Академический проект; Альма Матер. 2012. – 527 с. (Философские технологии) С.525.] Это сложные социальные взаимодействия, направленные на ограничение правительственной власти, монополизацию правящими элитами прав на принятие государственных решений, становящихся законом только для «подвластных». Справедливость современных систем государственного управления формируется под влиянием расширения публичной политики, вовлечения граждан в публичность, формирования технологий открытого правительства, различными формами контроля гражданского общества на принципах равенства, транспарентности, открытости и подотчетности, ограничивающих правительственные институты. Формальные и неформальные «правила игры» государства и общества ограничиваются фундаментальными правами человека и гражданина во всех сферах социальной жизни. Не получится «ни высокого дела, ни стройного слова без живого чувства своего достоинства. И нет чувства собственного достоинства без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти» // Письма П Киреевского к Н.М. Языкову Труды института антропологии, этнографии и археологии. Т.1. Вып.4. М.; Л., 1935. С.43.

Считается, что в современном российском обществе сильно напряжение ввиду распространенности восприятия жизненных реалий именно как несправедливых и неправедных. В 2014 году из России выехали 1,2 млн. человек в поисках работы, 40% из которых – ученые, инженеры и специалисты, которые могли бы стать проводниками модернизационных процессов в своем отечестве. Несправедливость в экономической сфере делает невозможным пребывание в стране, хотя именно они при своевременно проявленной чувствительности государства служили бы себе и ему.

Действительно, непрозрачность транзитивной социально-экономической системы, непонятность норм, меняющихся в зависимости от сиюминутного «видения» правительственных чиновников, массово порождают недоверие и признание законов и управленческих действий несправедливыми, а, значит, и незаконными (коррупционными). Зачастую и сами законы воспринимаются как объекты экономических операций с целью извлечения прибыли и выгоды в частных интересах. Экономические показатели, отражающие устройство и результаты экономико-хозяйственных отношений, говорят о степени справедливости в трудовой сфере, в сфере распределения общественного богатства и сфере индивидуального потребления. «Государственное управление становится все менее эффективным, демонстрируя один из худших показателей по падению роста производительности труда» [Доклад Столыпинского клуба «Экономика роста» // Эксперт. Электронный ресурс expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-9/_10_15.pdf]. В докладе показаны механизмы и инструменты взаимодействия государства и предпринимательского сообщества по совершенствованию правовых механизмов антикоррупционной направленности. Ликвидация административных барьеров, излишних процедур, введение современных механизмов оказания государственных услуг, в том числе в электронном формате, институт Уполномоченного при Президенте по защите прав предпринимателей, который должен обеспечивать соблюдение прав бизнесменов должны

быть дополнены введением формальных ограничений и неформальных институтов и практик (репутация, легализация института связей с правительством и др.). Коррупция как системообразующий институт современной российской системы управления угрожает национальной безопасности страны. Настойчивая, но и осторожная борьба с этим не столько экономической, сколько управленческой и идеологической деформацией федеральных и региональных элит составляет основу борьбы за государства, но не с государством. «В России система противодействия коррупции выстроена на основе национальной правовой культуры с учетом исторического и социально-экономического развития, а также потребностей и интересов общества».¹² Накануне сессии ООН ВЦИОМ опубликовал опрос об оценке гражданами уровня коррупции в стране. Если в 2006 году был 41% респондентов, считающих уровень коррупции «очень высоким», то в 2015 – 25%. В марте 2015 года 34% опрошенных считали, что «власть на местах является сферой, наиболее пораженной коррупцией», но в октябре доля согласных с суждением опустилась до 17%. По мнению социологов, «коррупционность институтов федеральной и муниципальной власти, по оценкам россиян, за полгода существенно снизилась».[Волков В. В России проходит крупнейшая конференция ООН против коррупции // Газета. Ru 02.11.15 www.gazeta.ru.social/2015/11/02/7867607.shtml]. Совершенствуется система мер, направленных против коррупции. Представители Торгово-промышленной палаты и Государственной Думы видят действенным инструментом подписание Антикоррупционной хартии участникам госзакупок, которая одобрена руководством страны и руководством более 2 тыс. компаний. Разнообразие форм государственно-частного партнерства в деле борьбы с коррупцией должно обусловить эффективность борьбы с инициативным, а не вынужденным участием в коррупционных схемах. Взаимодействия бизнеса и власти проходят и на поле создания условий для ведения дела, поэтому Министр юстиции А. Коновалов призвал бизнес-сообщество сообщать о нарушении прав и принимать участие в экспертизе законов, регулирующих хозяйственную сферу деятельности общества, а также принимать участие в выявлении и раскрытии «конкретных изолированных коррупционных схем», которые понятны далеко не каждому следователю. В 2014 году в СКР поступило 40,4 тыс. сообщений о коррупционных преступлениях, возбуждено 25,3 тыс. уголовных дел (дошло до суда 10,8 тыс. дел), а в первом полугодии 2015 года – 21,9 тыс. и 14,4 тыс. (дошло до суда 6,2 тыс. дел) соответственно. К этой работе предложено привлекать бывших рейдеров, «весь мир пользуется правом переманивания и перекупки таких яйцеголовых ребят, которые сначала работали против закона, а теперь готовы поработать на благо». В поддержку существующему институту деятельного раскаяния Минтрудом готовится законопроект, закрепляющий эту идею. [Пушкаря А. Министр юстиции нашел занятие для бывших рейдеров // Коммерсант. 05.11.2015. www.kommersant.ru/doc/2846927 (дата обращения 05.11.2015)].

Индекс Джини, различия образа и уровня жизни различных социальных групп, кривая Лоренца, высокая инфляция как налог на бедных, низкая эффективность государственного управления – все свидетельствует о необходимости пересмотра вектора социально-экономического развития и системы управления. Действительно, восприятие триады понятий «правда» - «право» - «справедливость» носит конвенциональный характер, определяющий линии разлома в современном, не только российском, обществе. Мы не одиноки в своих ощущениях и суждениях относительно неустроенности мира, данного нам

---

¹² kremlin.ru/events/administration/50605 (дата обращения 02.11.2015).

здесь и сейчас. Тем большее внимание следует отдать попыткам понять причины и следствия баланса.

Индекс Rule of Law 2015 (worldjusticeproject.org) показывает направление развития верховенства закона в различных странах мира в сторону ограничения всевластия правительств и администраций усилением их подотчетности и прозрачности деятельности, уважение прав и интересов граждан и открытости доступа к правосудию. Измерение этой направленности факторами индекса (1.2.3.4) дополняется измерением ограничений свободы действий или бездействий чиновников, которые должны выполнять управленческие функции по защите людей от насилия и беззакония, обеспечивая доступ к различным механизмам урегулирования споров, рассмотрения жалоб (5,6,7 факторы индекса) как мер, направленных на поддержание справедливых отношений в обществе. Индекс служит для оценки ориентации национальных государств на соблюдение принципа верховенства закона, определить положение государства и общества в ряду других стран. Он строится на восприятии «простого», обычного человека проблем справедливости в юридическом смысле. Позволяет мониторить процесс во времени и пространстве. Функционал индекса таков, что может быть положен в основу публичных развернутых дискуссий внутри каждого общества

В составлении индекса принимали участие российские исследователи, представители академических кругов, бизнеса, общественных организаций (с. 176), эмпирическое исследование в формате «face to face» проводил ВЦИОМ (с.167).

Как реагировать на появление нового знания, позволяющего не только соотнести положение России в ряду государств мира, но и осознать масштаб необходимых перемен, которые должны быть произведены со всей ответственностью и осторожностью (после бесчисленных реформирований-издевательств над живым организмом, каким является общество)? «И вопрос, который задают себе, осмысляя вызовы эпохи, самые ответственные из наших современников, часто сводится к тому, «как реагировать», и приобретает, таким образом, тревожный оттенок знания, что всякая реакция будет лишь частным событием в куда более широком взаимодействии, над которым никто не властен». [Старобинский Ж. Действие и реакция. Жизнь и приключения одной пары. Пер.с фр. СПб. «Владимир Даль». «Культурная инициатива». 2008. – 465 с. С. 11.].

Бразилия 0.54 - 46; Россия 0.47 - 75; ЮАР 0.58 -36; Индия 0.51 - 59; Китай 0.48 – 75

1. ОГРАНИЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ
2. ПРЕКРАЩЕНИЕ КОРУПЦИИ
3. ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
4. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВА
5. ПОРЯДОК И БЕЗОПАСНОСТЬ
6. ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ
7. ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО
8. УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Россия:

Global Rank – 75/ 102;

Government Powers – 0.39;

Absence of Corruption – 0.44;

Open Government -0.49;

Fundamental rights -0.47;

Order and security - 0.67;

Regulatory Enforcement -0.46;

Civil Justice - 0.5;

Criminal Justice – 0.36;
Overall Score – 0.47

ИНДИЯ СРЕДНИЙ 1.2.3.4.8. ; НИЗКИЙ 5, 6, 7
КИТАЙ СРЕДНИЙ 2.5.6.7.8; НИЗКИЙ 1.3.4.
РОССИЯ СРЕДНИЙ 2.3.6.7; НИЗКИЙ 1.4.5
ЮЖНАЯ АФРИКА ВЫСОКИЙ 3.6 СРЕДНИЙ 1.2.4.6.7 НИЗКИЙ 5
БРАЗИЛИЯ СРЕДНИЙ 1.2.3.4.6.7.8 НИЗКИЙ 5 (СТР. 23)

Низкие показатели России в группах CONSTRAINTS ON GOVERNMENT POWERS, FUNDAMENTAL RIGHTS⁵, ORDER AND SECURITY вполне корреспондируются с данными, приведенными в докладе «Столыпинского клуба», результатах опросов общественного мнения, федеральной статистикой. Результаты по группам ABSENCE OF CORRUPTION, OPEN GOVERNMENT, REGULATORY ENFORCEMENT, CIVIL JUSTICE свидетельствуют о движении в развитии этих направлений при отсутствии стратегии и связности действий.

1. ОГРАНИЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Фактор 1 государственные полномочия ограничиваются надежно законодательством и правоприменением, а также независимым контролем, правительственные чиновники наказываются за проступки, осуществляется независимый неправительственный контроль

ФАКТОР1. СТР 24 результат и рейтинг

ИНДИЯ 0.62 - 38

БРАЗИЛИЯ 0.61 - 42

ЮАР 0.61 - 40

РОССИЯ 0.39 - 90

КИТАЙ 0.41 - 87

Новая форма гражданского участия – выполнение социальных функций НКО, которые и до сих пор осуществляет государство, требует от исполнительных государственных органов власти и муниципального управления большей открытости и способов налаживания взаимодействий. Обязанности государства в социальной сфере закреплены Конституцией РФ, законодательными актами, приказами и стандартами, но открытые двери для НКО в этой сфере также потребуют появления нормативных документов, регулирующих ее, как и закрепленных официально полномочий, лицензий, квалифицированного персонала, льгот, материального обеспечения и инфраструктуры. Возложить даже часть расходов на бизнес и население по выполнению своих социальных обязательств государству в условиях кризиса вряд ли удастся, сопротивление чиновничества, управляющего финансовыми потоками также обеспечено. Но настрой НКО на получение каналов государственного финансирования финансирования деятельности в социальной сфере обозначен достаточно четко и подтвержден Президентом РФ на форуме «Сообщество». [Саверский А. НКО заходят на поляну государства // Взгляд 3.11.2015. vz.ru/columns/2015/11/3/775147 (дата обращения 5.11.2015)]. Разрешение этой ситуации может обеспечить только открытая информация, доступная в свободном режиме [Представители НКО призывают сделать процедуру получения грантов максимально прозрачной // Взгляд. 27. 11.2015 www.vz.ru/news/2015/10/27/774726.html (дата обращения 5.11.2015)]

2. ОТСУТСТВИЕ КОРРУПЦИИ

Фактор 2 отсутствие коррупции состоит из показателей, которые отражают ограничения использования чиновниками государственной должности в личных интересах, а

также и ограничения использовать преимущества в судебной системе, как и ограничения для представителей силовых структур и правительственных чиновников, как и депутатского корпуса, использовать государственную должность для достижения личной выгоды
ФАКТОР 2 СТР. 25

КИТАЙ 0.51 - 41
РОССИЯ 0.44 - 60
ИНДИЯ 0.40 -68
ИНДИЯ 0.40 - 68
ЮАР 0.51 - 42

3. ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Фактор 3 открытое правительство предполагает степень готовности правительств к открытости и прозрачности деятельности в сфере государственного управления, наделяя людей инструментами влияния на процесс принятия решений. Открытость правительства в сфере законодательства предусматривает открытость для граждан об изменениях их прав, которые они могли бы отстаивать институционализированными механизмами гражданского участия, включая свободу мнения и выражения, собраний и ассоциаций, подачу петиций, обращений. Такие формы ограничивают возможности правительств на вольное распоряжение публичными ресурсами.

ФАКТОР 3 СТР 26
ЮАР 0.62 - 27
ИНДИЯ 0.57 -36
БРАЗИЛИЯ 0.56 - 38
РОССИЯ 0.49- 0 67
КИТАЙ 0.43 - 87

Региональные власти используют возможности для неоказания услуг населению. Об этом свидетельствуют обращения граждан в СМИ и прокуратуру.[Власти Астрахани упорно не желают выполнять обязательства перед ветеранами www.regnum.ru/news/society/2005428.html; В Астраханской области вдову инвалида войны лишили положенных выплат. regnum.ru/news/society/1966021 (дата обращения 5.11.2015)]

Созданный портал «Работа в России» отвечает всем требованиям электронного правительства, будет стимулировать трудовую мобильность в стране [government.ru/news/20382]

4. ОСНОВНЫЕ ПРАВА

Фундаментальные (4) права человека должны обеспечиваться эффективным применением законов, обеспечивая равные права на жизнь и безопасность личности; выражение мнений, свободу вероисповедания, неприкосновенность частной жизни, свободу ассоциаций, соблюдение трудовых прав, включая право на участие в процессах трудовых переговоров, запрета на детский и принудительный труд и любых форм трудовой дискриминации.

ФАКТОР 4 фундаментальные права свобода мнения и выражения
ФАКТОР 4 СТР.27
БРАЗИЛИЯ 0.61 -46
РОССИЯ 0.47 - 80
БРАЗИЛИЯ 0.61 - 46
КИТАЙ 0.32 - 99
ИНДИЯ 0.54 – 61

В общественных дискуссиях, организованных Общественной палатой РФ, осуществляется обратная связь между обществом и государством. До общероссийского форума собрания прошли во всех девяти федеральных округах. Главными темами форумов стали поиск путей поддержки гражданской активности населения и формы поддержки государством третьего сектора. Сложность ситуации в том, что использование ресурсов НКО неэффективна – не более 1%, по признанию секретаря ОП Бречалова. Так, мало используются инструменты для получения заказов от государства (установлена 15% квота), а также Федерального Закона «О социальном обслуживании», устанавливающего условия предоставления государственного и муниципального заказа НКО. [Балтачева М. Форум «Сообщество» должен стать «социальным лифтом» // Взгляд. 3.11. 2015. Vz.ru/society/2015/11/3/7760096 (дата обращения 5.11.2015)]

Активная деятельность Общероссийского народного фронта, Общественной палаты РФ привела к пониманию государством важности поддержания гражданских взаимодействий на системной основе, что потребует изменения уровня и масштаба задач, стоящих перед НКО. Государство готово предложить организацию социально-ориентированных НКО на долгосрочных, системных, а главное- оплачиваемых условиях. Несмотря на сокращение в проекте бюджета социальных позиций, на 2016 год запланировано 236 млрд.руб. (в 2015 году на эти цели было выделено 6 млрд.руб.) на более полное вовлечение некоммерческого сектора в социальную сферу. По оценке Президента РФ, участвующего в работе форума «Сообщество», социально ориентированные НКО могут «тоньше, эффективнее реагировать» и «эффективнее расходовать» средства. Работа Общественной палаты, администрации президента, представителей НКО ведется специальной комиссией по развитию НКО под руководством В.Володина по поручению Президента РФ. Система распределения государством грантов НКО, которая ориентировалась на проектный метод организации работы, показала уязвимость существования третьего сектора. Потребуется изменения в законодательстве для определения группы НКО по оказанию социальных услуг, а также особого перечня льгот для социально-ориентированных некоммерческих организаций (льготы на аренду помещений, квоты в бюджете). Останутся и президентские гранты (около 4 млрд. руб.), распределение которых будет централизовано, ориентировано на поддержку региональных и сельских общественных организаций, к контролю за расходованием которых будут подключены региональные ОП, грантооператоры и Счетная палата. [Нагорных И. «Третьему» будет дано 4.11.2015 www.kommersant.ru/doc/2846957 (дата обращения 5.11.2015)] Понимание государственного управления как процесса сотрудничества и взаимодействия в координируемых коллективных действиях предполагает институционализацию отношений партнерства и доверия участников. Повышение способностей государства к реформированию административного сегмента государственного управления на принципах открытости и прозрачности обуславливает повышение способностей гражданского общества к участию в публичном управлении. Именно государством формируется институциональный дизайн системы создания и использования научного знания, определяется режим функционирования реальной экономики как потребителя новых знаний и технологий, выстраивается мотивационная система научной и образовательной деятельности, применяются инструменты стимулирования специалистов инновационного сектора, вводятся законы и регулятивные механизмы распоряжения интеллектуальной собственностью. Инновационные изменения стимулируются государством, выполняющим функции целеполагания, арбитра, организатора диалога и инициатора реализации инновационных задач и программ. Зачастую гражданские инициативы появляются там, где нет выполнения государственных функций органами социальной защиты. Так, в Тверской и Смоленской областях благодаря гражданской

инициативе удалось помочь ветеранам труда в приобретении и доставке дров для отопления в зимний период, организован сбор пожертвований и работа волонтеров. [Мельник Г. Наломали дров: благотворительную акцию госканала назвали позором // Парламентская газета 22.11.2015 pnp.ru/news/detail/103142 (дата обращения 22.10.2014); ТИА. В Тверской области волонтеры собирают средства на закупку дров для сельских жителей tvernews.ru/news/204420 (дата обращения 5.11.2015)]. На эти цели федеральным бюджетом в 2015 году было выделено 1 млрд.руб. [Бурков А. – первый заместитель председателя комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления. «После акции «Подари дрова» сразу нужно проводить следующую – «Посади чиновника» – Парламентская газета 22.10.2015 [http:// pnp.ru/comment/detail/103297](http://pnp.ru/comment/detail/103297)]

Сохраняется и принудительный (рабский) труд как явление [Кабанов А. попрошайки в Москве: кто они, и что с ними делать? Милосердие 09.07.2014.miliserdie.ru; Как я была нищенкой в метро // Комсомольская правда 2.10.2008 kp.ru/daily/24174/4/384639; «Нищая» мафия. 10 фактов о московских попрошайках // За городом. Ribalych.ru/2015/02/20/; Невинная И. Купить человека //Российская газета. nishhaya-mafia/; www.rg.ru/2004/03/05trud.html], несмотря на наличие ст. 127.2 Использование рабского труда УК РФ в ред.2015 года, довести дело до суда практически невозможно. Правозащитная организация Walk Free Foundation опубликовала результаты индекса глобального рабства The Global Slavery Index 2014 (<http://www.walkfree.org.>) Согласно результатам исследования, Россия замыкает пятерку стран (Индия, Китай, Пакистан, Узбекистан), занимая 32 место в мире и 3 на постсоветском пространстве. В стране насчитывается более миллиона рабов. При составлении рейтинга было обследовано 167 стран. [Борисова О. Торговля людьми и рабство в постсоветском пространстве // АПН 5 ноября 2015 www.apn/spesial/article34210.html (дата обращения 5.11.2015)Правозащитники: Россия использует рабский труд. В стране – миллион подневольных работников.www.facenews.ua/news/2014/255660 (дата обращения 5.11.2015)] Некоммерческая организация «Альтернатива» за два года своего существования освободила 200 трудовых невольников. Кирпичные заводы Дагестана, а их более 600, стали местом для невольников [www.ria.ru/world/201510/08/1298908747.html; [http://protivrabstva.ru/novosti/3-210613\\$](http://protivrabstva.ru/novosti/3-210613$); <http://www.state.gov/documents/organization/210737.pdf>; [http://slon.ru/russia/kak_viglyadit_sovremennoe_rabstvo_v_rossii-95744.\[html](http://slon.ru/russia/kak_viglyadit_sovremennoe_rabstvo_v_rossii-95744.[html); http://kupiraba.ru/article_policia_Prodala_vipusknika_Thanks.php]

Недостаточная защищенность трудовых прав усиливается в период кризиса [Вахтовики, работавшие на ямальский трест, остались без денег Регнум 5.11.2015; Владимирский бизнесмен не доплатил своим сотрудникам 1,5 млн рублей (дата обращения 5.11.2015)]. Прокуратура, Роструд, госинспекции по труду не имеют достаточных полномочий для оказания влияния на работодателей. Наибольшая задолженность перед работниками обрабатывающих производств, строительства и сельского хозяйства. По данным Росстата просроченная задолженность по заработной плате на 1 сентября составляла 3 млрд.166 млн рублей, или 97,9% общей суммы просроченной задолженности.[В России за 9 месяцев выплачено более 16 млрд.рублей долгов по зарплате regnum.ru/news/2005350. html (дата обращения 5.11.2015)]

Неприкосновенность частной жизни нарушается фактическим введением ювенальной юстиции в некоторых регионах страны, что противоречит традиционным ценностям основного населения.

СТРАНА	PEOPLE	CIVIL SOCIETY	ORG	POLITICAL PARTIES	MEDIA
КИТАЙ	0	0	0	8%	
РОССИЯ	52%	46%	60%	57%	

ЮАР	83%	76%	81%	77%
индия	72%	61%	63%	74%
Бразилия	71%	61%	66%	53%

5. ПОРЯДОК И БЕЗОПАСНОСТЬ

Фактор 5 отражает способность государства обеспечивать безопасность людей и их имущества как основной функции государства, примат права в отношении бытовой преступности, терроризма, самосуда, политического насилия, политической нестабильности. являясь в той же мере условием реализации прав и свобод человека.

ФАКТОР 5 СТР. 28

КИТАЙ 0.78- 38

БРАЗИЛИЯ 0.66 - 75

ЮАР 0.62 - 81

ИНДИЯ 0.58.-.90

РОССИЯ 0.67 - 74

Деятельность НКО в правозащитной сфере (Межрегиональная правозащитная организация «АГОРА», Фонд «В защиту прав заключенных», «За права человека», «Комитет за гражданские права», Совет при Президенте РФ по правам человека содействуют гуманизации отношений между государством и оступившимся человеком. Так, например, предлагается дополнить закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» новой нормой, которая разрешает свидания зарержанных с нотариусом и с адвокатом, не являющимся защитником, для чего адвокату достаточно предъявить в СИЗО «удостоверение адвоката и ордер», а не разрешение от следователя; от нотариуса – «документ, подтверждающий полномочия нотариуса» [Хамраев В. Адвокатам открывают путь в СИЗО. Коммерсант. 5.11.2015. www.kommersant.ru/doc/2846942 (дата обращения 5.11.2015).]

6. ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Шестой фактор измеряет степень соблюдения и осуществления государством правопорядка. Эффективное их применения, не связанное с влиянием частных интересов или интересов чиновничества, обеспечивается своевременностью и незамедлительностью исполнения в административном судопроизводстве, обеспечивающем защиту частной собственности.

Создание в России полноценного административного судопроизводства началось с принятием «Кодекса административного судопроизводства», 15 сентября 2015 г. вступившего в силу. Однако, процесс разрешения споров с органами государственной власти, переходя из судов в сферу взаимодействия ведомств, заменил отдельные главы Гражданского кодекса и статьи некоторых законов. Слабость принятого Кодекса административного судопроизводства в том, что он не стал единым для судов общей юрисдикции и арбитражных. Центр смещается в сторону внесудебной сферы, где споры рассматриваются внутри органов государственной власти к удовольствию предпринимателей (административные процедуры бесплатны, право на обращение в суд всегда можно реализовать). Так, например, административные процедуры внутри Федеральной антимонопольной службы прописаны четко, обеспечивая состязательность сторон, формируются коллегиальные органы, которые будут работать с жалобами на решения территориальных департаментов в делах о защите конкуренции. Достоинство административного обжалования дел не только в бесплатности услуги и четком ее регламенте. Сложность административных дел такова, что разбирать их могут люди, обладающие профессиональными знаниями.

Федеральный закон от 27 октября 2015 года № 291-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и Федеральный закон «О счетной палате Российской Федерации» вступает в силу 7 ноября 2015 г. согласно закону, вводится административная ответственность за неповиновение и воспрепятствование законной деятельности финансового инспектора и сотрудника, осуществляющих государственный и муниципальный финансовый контроль; за невыполнение в установленный срок законного предписания органа муниципального финансового контроля. Должностные лица органов финансового контроля получили право составлять протоколы об административных правонарушениях, которые будут передаваться в суд.

ФАКТОР6 СТР 29

БРАЗИЛИЯ 0.51 - 50

ИНДИЯ 0.45 - 69

КИТАЙ 0.46 - 66

РОССИЯ 0.46 - 64

ЮАР 0.55 - 33

7. ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Фактор 7 предусматривает развитие гражданского правосознания через конфликто разрешающие процедуры (альтернативные механизмы разрешения споров), свободные от дискриминации и коррупции, а также неправомерного давления на должностных лиц.

ФАКТОР 7 СТР.30

ИНДИЯ 0.42 - 88

РОССИЯ 0.50 - 60

ЮАР 0.56 - 39

КИТАЙ 0.48 - 67

БРАЗИЛИЯ 0.53 - 48

8. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

ФАКТОР 8 СТР.31

ЮАР 0.50 -38

РОССИЯ 0.36 - 74

БРАЗИЛИЯ 0.37 - 68

ИНДИЯ 0.47-44

КИТАЙ 0.45 - 47

3. АНАЛИЗ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БРАЗИЛИИ (Блинова Е.А., Шерстобитов А.С.)

В мировом масштабе Бразилия демонстрирует невысокие показатели экономического развития, однако претендует на роль лидера развивающихся стран. Согласно данным Глобального института McKinsey (MGI) по доле валовой добавленной стоимости в мировом производстве Бразилия как крупная развивающаяся экономика выросла в рейтинге с 12 места в 2000 году до 6 места в 2010 году, опережая Индию и Россию [1]. Бразилия активно участвует в различных международных объединениях: БРИКС, Меркосур, UNASUR, форум IBSA. Растущая роль Бразилии в мировом политическом и экономическом развитии обусловлена во многом спецификой ее политико-административных институтов. В данной статье мы рассмотрим особенности строительства современных бразильских политико-административных институтов с точки зрения динамических способностей государства. Мы исходим из того, что индекс динамических способностей государства включает в себя следующие составляющие: (1) прозрачность государственной деятельности как фактор подотчетности; (2) открытость государственной деятельности как фактор инклюзивности; (3) вовлечение в государственную деятельность как фактор конкурентности; (4) правление закона как фактор справедливости; (5) стратегическое планирование; (6) институты субсидиарности; (7) глобальные ориентации – разновекторность сотрудничества.

Институты прозрачности подразумевают открытость информации о деятельности правительства и о состоянии общества и способствуют продвижению подотчетности как вертикальной (подотчетность органов власти гражданам), так и горизонтальной (взаимное сдерживание различных ветвей власти). Карл Т. Л. и Шмиттер Ф. подчеркивали значение подотчетности для демократичности политического процесса, характеризуя современную политическую демократию как «систему управления, при которой власти отвечают перед гражданами за свои действия в общественной сфере, а граждане реализуют свои интересы через конкуренцию и взаимодействие своих выборных представителей» [2].

Глобальный индекс открытых данных (Global open data index) демонстрирует открытость и доступность информации на сайтах правительств. В индексе к данным предъявляются следующие требования: информация должна быть предоставлена именно государственными структурами, в цифровом виде, доступна публично, бесплатна, онлайн, в машиночитаемом виде, доступность для скачивания в едином массиве, своевременность предоставления информации, открытость лицензий. В 2014 году Бразилия заняла 26 место в рейтинге из 97 стран [3]. (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Показатель	Год	Место в рейтинге	Значение (%)
Глобальный индекс открытых данных	2014	26 из 97	54
	2013	24 из 60	48
Правительственный бюджет	2014	1 из 97	100
	2013	34 из 60	45
Правительственные расходы	2014	3	70

	014	из 97	
	2	5	80
	013	из 60	
Результаты выборов	2	22	70
	014	из 97	
	2	19	70
	013	из 60	
Национальная статистика	2	41	60
	014	из 97	
	2	27	60
	013	из 60	

На 2014 год информация по позициям «Правительственный бюджет», «Правительственные расходы», «Результаты выборов», «Национальная статистика» была раскрыта более чем на половину. По сравнению с 2013 годом Бразилии кардинально улучшила показатели по позиции «Правительственный бюджет» и набрала 100 баллов из 100 возможных. Данные о «Правительственном бюджете» представлены на сайте <http://dados.gov.br/dataset/orcamento-federal>. Данные о «Правительственных расходах» представлены на сайте <http://www.transparencia.gov.br/> Для данных по правительственным расходам не указан тип лицензии. Данные о «Результатах выборов» представлены на сайте <http://www.tse.jus.br/eleicoes/repositorio-de-dados-eleitorais,%20http://dados.gov.br/dataset/resultado-das-eleicoes>. Данные доступны с 1945 года, также не указан тип лицензии. Данные по «Национальной статистике» представлены на сайте <http://www.sidra.ibge.gov.br/>. С 2009 года Бразильский Федеральный институт по географии и статистике проводит регулярные исследования по ключевым демографическим и экономическим индикаторам (ВВП, уровень безработицы, численность населения). Исследования осуществляются ежемесячно. Перепись населения проводится каждые 10 лет.

Идеи участия и общественного контроля тесно связаны. Через участие в управлении граждане могут вмешиваться в принятие административных решений, способствуя тому, чтобы правительство принимало меры, действительно отвечающие общественным интересам. В то же время, граждане могут контролировать действия государственных органов, и в случае необходимости призвать их к ответственности. При этом граждане должны иметь право не только участвовать в разработке государственной политики, но и следить за расходованием государственных ресурсов. Мониторинг, контроль и оценка управленческих решений – важные составляющие подотчетности государства перед гражданами. Генеральный инспекторат Бразилии (CGU) один из контролирующих органов, проверяющих правильность передачи бюджетных средств на уровень штатов и муниципалитетов. В своей работе она сталкивается с проблемами масштаба, так как в Бразилии 5560 муниципалитетов. Гражданский контроль, осуществляемый на сайте <http://www.transparencia.gov.br/controleSocial/> помогает повысить эффективность функционирования государства в плане расходования общественных ресурсов.

Второй компонент динамических способностей государства - открытость государственной деятельности, включающий институты сотрудничества государства и общества. Сюда относятся механизмы открытого правительства, структура политических возможностей граждан влиять как на повестку дня, так и на процесс принятия решений, а также консультации чиновников с гражданами по поводу проводимой политики. Инклюзивность, то есть максимальное включение граждан в политический процесс – важная черта демократического управления. Цель инициатив в области электронного участия - улучшение доступа граждан к информации и государственным услугам.

Рассмотрим ситуацию в Бразилии, исходя из индекса электронного правительства ООН (E-Government Development Index (EGDI)) и индекса электронного участия (E-Participation Index). Оба индекса принимают значения от 0 до 1. Индекс электронного правительства учитывает инфраструктурный и образовательный уровни использования информационных технологий для включения граждан в политический процесс. Данный индекс - это составной показатель из трех важных аспектов электронного правительства, а именно: предоставления онлайн-услуг, телекоммуникационной связи и человеческого потенциала. Индекс электронного участия – дополнительный индекс, который рассчитывают при проведении исследования для индекса электронного правительства. Он фокусируется на использовании онлайн-услуг, облегчающих предоставление информации правительствами гражданам («обмен электронной информацией»), взаимодействие с заинтересованными сторонами с обсуждением по вопросам государственной политики и услуг («электронные консультации»), и участие в процессе принятия решений, совместное конструирование вариантов политики («электронное принятие решений») [4].

Стоит отметить, что число интернет-пользователей в Бразилии в 2013 г. составило 88,5 млн. человек при общей численности населения в 2014 году – 198,7 млн. чел, уровень проникновения интернета в 2012 г. - 45% [5]. Интернет портал Бразилии по предоставлению государственных услуг и электронному взаимодействию граждан с правительством - <http://www.brasil.gov.br/>

Значения обоих индексов в 2014 году для Бразилии представлены в Таблице 2.

Таблица 2 [6]

Индекс	Значение	Место в рейтинге
Индекс электронного правительства ООН	0.6008	57 из 193
Индекс электронного участия	0.7059	24 из 193

Таблица 3. Место Бразилии в рейтингах. Динамика по годам

Индекс	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Индекс электронного правительства ООН	57	59	61	45	33	35
Индекс электронного участия	24	31	42	23	18	35

Кроме того, данные по открытому правительству можно найти в части индекса верховенства права проекта Всемирная справедливость [7] (WJP Rule of Law Index 2015.). Баллы присваиваются от 0 до 1. Единица указывает на максимальное соблюдение верховенства права, ноль – на минимальное.

Таблица 4. Фактор открытого правительства

Показатель	Значение	Место в региональном рейтинге	Место в глобальном рейтинге
Индекса верховенства	0.54	5/19	46/102

права			
3. Фактор открытого правительства	0.56	4/19	38/102
3.1 Опубликованные законы и данные правительства	0.5		
3.2 Право на информацию	0.56		
3.3 Гражданское участие	0.62		
3.4 Механизмы жалоб	0.57		

Третий компонент динамических способностей государства – вовлечение в публичность. Его также можно охарактеризовать как степень конкурентности политической системы. Сюда относятся уровень участия населения в выборах, участие граждан в партиях, уровень развития гражданского общества. Избирательное право в Бразилии – обязательное. В стране применяются штрафы за неучастие в выборах, также необходимо в письменном виде объяснять причину неявки на участок для голосования. Эти меры обеспечивают высокие показатели явки населения на выборы. Данные по явке на выборах в Национальный Конгресс, состоящий из Палаты депутатов и Федерального Сената, и президентских выборах в Бразилии представлены на сайте <http://www.idea.int/vt/countryview.cfm?id=30>. С 1990 года явка как на выборы в Национальный Конгресс, так и на президентских выборах была в основном в пределах 80%. См. Таблицу 5 и 6.

Таблица 5. Явка на выборы в Национальный Конгресс.

год	Г 014	2 010	2 006	2 002	1 998	1 994	1 990
процент явки	П 0.60%	8 1.88%	8 3.27%	6 8.72%	7 8.51%	8 2.24%	8 4.61%

Таблица 6. Явка на президентских выборах. [8]

год	Г 014	2 010	2 006	2 002	1 998	1 994
процент явки	П 8.90%	7 8.50%	8 3.25%	7 9.53%	7 8.51%	8 4.93%

Бразилия - республика с президентской формой правления. Такое решение было принято на плебисците 21 апреля 1993 года. Система политических партий в Бразилии сильно фрагментирована. Начиная с 1990 года, ни разу не было ситуации, чтобы в палате депутатов было представлено меньше восемнадцати партий, при этом ни одна из них не набирала даже четверти мест. Тем не менее, выделяются четыре крупные партии: Партия трудящихся (РТ), Бразильская социал-демократическая партия (PSDB), Партия бразильского демократического движения (PMDB) и Демократы (DEM). Что касается идеологической позиции, Партия трудящихся считается партией левого толка, Бразильская социал-демократическая партия - левоцентристской партией, Партия бразильского демократического движения является центристской и партия Демократы позиционируется как правоцентристская.

Теперь обратимся к Конституции Бразилии для выявления институтов субсидиарности. В состав Бразилии как федеративной республики входят 26 штатов и столичный федеральный округ Бразилиа. Главой исполнительной власти штатов является губернатор, избираемый прямым голосованием на срок 4 года. Институт федерального

вмешательства в дела субъектов федерации строго регламентируется и допускается лишь в случаях нарушения территориальной целостности государства, иностранной интервенции, конфликта между штатами, несоблюдения общественного порядка и финансовой дисциплины. Политико-административная организация Федеративной Республики Бразилии включает Союз, штаты, Федеральный округ и муниципии – все пользуются автономией в соответствии с предписаниями Конституции [9]. К совместной компетенции Союза, штатов и муниципий относится обеспечение здравоохранения, охрана окружающей среды, борьба с причинами бедности и др. (статья 23). Союз и штаты округ законодательствуют на конкурирующей основе по вопросам налогового, финансового права, бюджета, образования, культуры, здравоохранения, гражданской полиции. При этом компетенция Союза ограничивается изданием норм общего характера (статья 24). Согласно действующей конституции Бразилии в ведении Национального конгресса следующие вопросы и компетенции: налоговая система, поступление и распределение доходов; многолетние планы, бюджетные директивы, годовой бюджет, кредитные операции, государственный долг и эмиссии с принудительным курсом; национальные, региональные и секторальные планы и программы развития; границы национальной территории, воздушного и морского пространства и собственность, принадлежащая государству; объединение и расчленение субъектов федерации после проведения консультаций с соответствующими законодательными ассамблеями; административная, судебная организация, организация прокуратуры и организация публичной защиты Бразилии и субъектов федерации; телекоммуникации и радиовещание; финансовые, вексельные и денежные вопросы, финансовые учреждения и их операции; денежное обращение, пределы эмиссии денег и размер федеральных долговых обязательств. Штаты организуются и управляются в соответствии со своими Конституциями и законами. В компетенцию муниципии входит законодательство по местным вопросам, введение и сбор налогов в пределах своей компетенции, образование, организация и упразднение районов, предоставление при техническом и финансовом сотрудничестве с Союзом и штатом дошкольного обучения и основного образования, поддержание системы здравоохранения (статья 30). Союз не может вмешиваться в дела штатов или Федерального округа, за исключением определенных случаев поддержания национальной целостности, отражения иностранного вторжения и т.п. (статья 34). А Федеральный штат не вмешивается в дела своих муниципий, ни в дела союза муниципий, расположенных на какой-либо федеральной территории, за исключением случаев, когда у муниципалитета есть денежная задолженность, или не предоставляются отчеты. (статья 35). Что касается налоговой системы: Штаты и муниципии вправе взимать собственные налоги. Штаты и Федеральный округ компетентны устанавливать налоги на передачу вследствие смерти или дарения какой-либо собственности или прав, собственность на самоходные транспортные средства и др. (статья 155). Муниципии компетентны устанавливать налоги на собственность в виде и не в виде строений, находящуюся в городской зоне и др. (статья 156). Существует трансфер налоговых поступлений между Союзом, штатами и муниципиями.

Стратегическое планирование в Бразилии представлено, в частности, программами развития промышленности. Начиная с 2004 года в стране поочередно реализовывались 3 различных варианта промышленной политики:

В 2004 - 2007 гг. была запущена программа под названием «Индустриальная политика, технологии и внешняя политика» (*Política Industrial, Tecnológica e de Comércio Exterior*). Целью программы было повышение конкурентоспособности отдельных отраслей и услуг посредством продвижения инноваций и работы над улучшением качества экспортируемой продукции. На этом этапе был реформирован и модернизирован институциональный базис: в

том числе законодательство в сфере инновационной деятельности; трехсторонний форум для согласования промышленных стратегий и приоритетов; и создание условий развития экспорта.[10]

В 2008 - 2010 г. правительство провозгласило политику развития технологии и базового производства (Política de Desenvolvimento Produtivo). Стратегией ее стало позиционирование бразильских компаний в качестве мировых лидеров в биотопливной, горнодобывающей, сталелитейной и авиационной отраслях. Преследовалась цели привлечения инвестиций в экономику. Контроль за достижением намеченных стратегических целей был возложен на Бразильский банк развития (BNDES), созданный в 1952 г. для содействия развитию промышленности и инфраструктуры в стране.

В 2011 - 2014 г. Д. Руссефф продолжила политику индустриализации введением нового стратегического плана «Brasil Maior» для 19 стратегических секторов экономики страны. План включил в себя набор мер, направленных на повышение конкурентоспособности и защиту внутреннего рынка от ревальвации реала и возрастающего импорта китайской продукции, меры по защите торговли: налоговые льготы, предоставление преференций в сфере размещения государственных заказов, льготные условия кредитования и т.д. [11]

В рейтинге Всемирного Банка по размеру валового национального дохода на душу населения Бразилия в 2014 году заняла 81 место из 214 стран с душевым доходом \$ 11530 долларов США [12]. Страна относится к категории «стран с уровнем дохода выше среднего уровня» (upper middle income - от \$4,126 до \$12,735). Динамику благосостояния населения Бразилия отражает Коэффициент Джини. (Таблица 7). Мы видим картину значительной степени расслоения общества. Доходы в большой мере сконцентрированы в руках отдельных групп населения. Хотя на протяжении последнего десятилетия ситуацию медленно улучшается.

Таблица 7. Коэффициент Джини

год	012	011	009	008	007	006	005	004	003	002
начение	2,67	3,1	3,87	4,37	5,23	5,93	6,64	6,88	8,01	8,62

Доля населения, проживающего ниже черты бедности, снижается. За последние 7 лет снижение составило более 5 %.

Таблица 8. Доля населения с доходами ниже величины соответствующего порога бедности к общей численности населения (%) [13].

Значение	Год
8.9%	2013
9.0%	2012
11.1%	2011
13.3%	2009
14.1%	2008

Другой показатель благосостояния населения индекс зазора бедности (Poverty gap index) – размер дополнительного дохода, необходимого для выведения низкодоходной семьи на уровень прожиточного минимума. Зазор бедности является оценкой общей суммы, которую следовало бы добавлять к доходам бедных для того, чтобы каждый из них имел доход, равный черте бедности [14]. Данный показатель учитывает интенсивность бедности.

Таблица 8. Индекс зазора бедности для Бразилии

Черта бедности (\$/месяц)	Доля живущего в нищете населения (%)	Индекс зазора бедности (%)	Год
38	13,3	3,62	2009

Для борьбы с бедностью в Бразилии принят ряд социальных программ: Пенсия для сельскохозяйственных работников, «Постоянное пособие», программа социальной помощи “Bolsa Familia”, государственный план «Бразилия без нищеты». Программы социальной помощи совместно с повышением минимальной зарплаты позволили с 2003 г. снизить бедность почти на 24%. Коэффициент Джини и снизился с 0,596 в 1998 г. до 0,526 в 2012 г.

Таким образом, нами были рассмотрены основные составляющие индекса динамических способностей государства применительно к Бразилии. Данные сведения нуждаются в дальнейшем сравнении с показателями других стран БРИКС для оценки управляемости и конкурентоспособности государства.

8. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ (Волкова А.В.)

В последние два десятилетия вопросы взаимосвязи управляемости с самоорганизацией общества и властью оказались крайне актуальными как в теории государственного управления, так и на практике. Управляемость сегодня предполагает новые формы политической, экономической и социальной организации, которые позволят государству реагировать на вызовы глобализации и модернизации, на повышение социальных требований и ожиданий, зачастую превышающих пределы традиционных институтов, а также – справляться с вызовами массовой гражданской и политической мобилизации. В условиях неопределенности в сложном обществе она выступает не просто внешним условием обеспечения конкурентоспособности, а является ее значимым фактором [1]. К важнейшим составляющим ее понимания могут быть отнесены: способность государства использовать свои стратегические ресурсы для повышения конкурентоспособности в мире; координация государством ответственных интересов в публичном пространстве; высокая степень социального сплочения и способность к политическому действию на основе компромисса. Современный политический процесс и система публичного управления получили новое содержательное наполнение в связи с активным внедрением информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Повышение управляемости в значительной степени обуславливается уровнем развития коммуникации, диалога и сотрудничества в обществе, а разработка и реализация концепции электронного правительства (e-government) выступает наиболее заметным и эффективным видом использования ИКТ в современной публичной сфере. Анализируя процессы современной публичной политики, ученые подтверждают тенденцию возрастания различных форм взаимовыгодного сотрудничеством государственных и частных акторов, что объясняется не только необходимостью выработки простых и адекватных для всех участников правил игры на рынке, но и заинтересованностью государства в развитии информационно-коммуникационных технологий и переходе к информационному обществу (например, развитие технологий e-Government) [2, с. 98].

Для повышения интегративности системы государственного управления на всех уровнях используются сегодня такие формы координации, как принуждение и солидарность, т. е. «применение силы государства на основе права на легитимное насилие (от физического до культурно-информационного, идеологического) с помощью соответствующих институтов,

при соответствующих ограничениях со стороны солидарного общества, участвующего во взаимодействиях с государством, и солидарности как особом типе социальных взаимодействий, обусловленном моральными оценками рациональных действий, согласованном с ожиданиями людей» [3, с. 165-166]. На наш взгляд, современная концепция управляемости должна быть дополнена исследованиями формирования и функционированием институтов развития в сфере политико-административного управления, под которыми мы будем понимать: институты субсидиарности (или взаимодействия в многоуровневом управлении); институты «бесшовного правительства» (или интероперабельности органов государственного управления); институты «открытого правительства» (обеспечивающие взаимодействия государства, общества и бизнеса).

Усиление внимания к проблеме государственной управляемости в странах БРИКС, актуализировавшееся в связи с кризисными явлениями 2014–2015 г., связано с поиском моделей политического и административного управления, способных стимулировать кардинальные изменения идеологии и практик взаимодействий аппарата государства и общества. Другим важным моментом для этой группы стран является вопрос инклюзивного экономического роста и реализации принципа справедливости в публичной политике.

Самобытная и крайне противоречивая система государственного управления современной Индии выделяется в группе восточноазиатских стран, она представляет собой особый, уникальный тип модели развития (равно как и особая социально-культурная система, своего рода поликультурный конгломерат, в котором сосуществуют разные религии, этнические группы, классы касты).

В истории административных реформ в Индии в XX в. можно выделить два основных этапа: с 1950 по 1990 г. и с 1991 г. по настоящее время. В течение первого периода с 1950 по 1966 г. акцент был сделан на повышении эффективности административных структур и процессов, снижении коррупции. Однако эти усилия не существенно повлияли на коррупционную активность, которая пронизывала (и пронизывает) всю вертикаль власти: от нижних до верхних уровней. При этом нельзя не отметить, что согласно Индексу восприятия коррупции (Transparency International Corruption Index) показатели Индии на несколько позиций лучше российских как по данным за 1996 г., так и в 2014 г. [4]. Фаза системного реформирования в Индии начинается с 1966 г., когда Союзным Правительством была создана первая Комиссия по административным реформам (1966–1970 гг.) во главе с бывшим премьер-министром Морарджи Десаєм. Комиссия фокусировалась на вопросах специализации государственного управления, преодоления коррупции и повышения эффективности административных структур. В течение первого периода (1950–1990 гг.) было предпринято множество попыток реформирования и укрепления административного аппарата для решения возникающих социально-экономических проблем. Заслуга управленцев того периода состоит во внедрении в массовом масштабе программ, направленных на решение проблем бедности, безработицы, недоедания, на повышение благосостояния малоимущих, на защиту женщин, детей и т.д. Принципы равенства и социальной справедливости широко декларировались в программах и обоснованиях политики органов власти Индии. Согласно известному исследователю индийского управления Рамешу К. Арору, основные задачи административного реформирования в первый период включали в себя: экономию бюджета, специализацию структур и административного персонала, эффективную координацию, развитие управленческих способностей, введение принципа интеграции в государственные услуги, подотчетность и ответственность, децентрализацию и демократизацию на низовых уровнях, усиление локальных институтов самоуправления. [5, р. 579-586]. Это подтверждает, что Индия оказалась восприимчива к глобальным тенденциям повышения качества управления. На

момент обретения независимости Индия унаследовала колониальную административную структуру, с принятием новой демократической Конституции и политической системы ориентация и операционная среда государственного управления значительно изменились. С тех пор как в Индии были запущены Пятилетние планы [6] и другие программы развития в начале 1950-х годов, появилось множество специализированных структур, но наряду с этим сохранилось и большое количество колониальных административных структур, никак не сочетающихся с провозглашаемыми принципами демократии.

В настоящее время Индия, как и большинство современных государств, осуществляет административные реформы на основе идей нового публичного менеджмента («new public management») и концепции «надлежащего управления». Комплекс реформ, начатых в 1991 г., имеет основополагающее значение для современного государственного управления Индии, поскольку до этого страна шла по пути плановой и смешанной экономики с социалистическими ориентациями (в Преамбуле к Индийской Конституции 1976 г. присутствовало слово «социализм», чтобы акцентировать внимание на социалистических ценностях политического курса Индии. Оценивая состояние системы государственного управления Индии, современный индийский ученый А.Баджпай пишет, что благодаря широкому распространению и первоначальным успехам нового публичного менеджмента – как идеологии административных преобразований в странах Запада, многие развивающиеся и даже слаборазвитые страны поддержали проведение реформ на его принципах. В Индии в ходе преобразований государство (система государственного управления) должно было содействовать функционированию рыночных механизмов и регулировать отклонения для идеального функционирования рынка, которое рассматривалось в качестве панацеи от всех бед, поразивших экономику и общество. Но они оказались совершенно неспособны решить вопросы равенства и справедливости: слишком большое количество социальных, экономических и экологических бед осталось без внимания. По сути, общественное благо оказалось принесено в жертву экономическому росту [7, с. 365-370].

В качестве важнейших достижений либерализации следует указать:

- открытие ряда отраслей в сфере государственного управления для частного сектора с тем, чтобы развить конкуренцию. В настоящее время только три отрасли остаются под государственным ведением – атомная энергетика, минералы для атомной энергии и железнодорожный транспорт. Телекоммуникации, воздушный транспорт и страхование – ряд примеров проникновения частного сектора.

- повышение доли иностранного капитала во всех отраслях, здесь наиболее ярким примером является ИКТ. Государство стремится выступать в роли регулятора и координатора, а не только контролера публичных интеракций на рынке.

- укрепление органов местного самоуправления, наделение их большими ресурсами и полномочиями в 1992 г. В городских районах эти учреждения известны как *Nagarpalikas*, а в сельской местности как *Panchayati Raj Institutions* или *PRIs*. Эти учреждения поощряют участие и вовлечение людей в процесс развития на более низком уровне, который управляется правительством [7, с. 369].

Важным моментом стала деятельность Правительства Индии по внедрению электронных услуг в 2004 г. в различных департаментах. Это позволило увеличить скорость предоставления государственных услуг и упростить различные административные процедуры, повысить прозрачность административных операций, что рассматривается нами как важная предпосылка развития институтов «бесшовного правительства» и «открытого правительства».

Для проведения комплексных административных реформ правительством была сформирована Вторая Комиссия по Административным реформам, которая представила 15

докладов, охватывающих все аспекты государственного управления в период 2005-2009 г. Многие из представленных докладов связаны с продвижением практики эффективного управления в Индии. Среди них: Right to Information: Master Key to Good Governance (Право на информацию: главный ключ к государственному управлению); Unlocking Human Capital: Entitlements and Governance (Раскрытие человеческого капитала: права и управление); Ethics in Governance; Promoting E-Governance (Этика и управление: содействие электронному правительству) [8]. Основными направлениями деятельности комиссии выступают: содействие прозрачности, ответственности, подотчетности, эффективности, добросовестности и этичности поведения в управлении, сокращение дискреционных полномочий государственных менеджеров путем надзорных механизмов и коллективного принятия решений.

Экономически быстрые рыночные реформы 1991 г. привели к буму в индийской экономике, страна вышла на новый уровень развития. Но, несмотря на то, что уже более двадцати лет правительство прилагает массу усилий, чтобы соединить программы экономического роста с принципами равенства и социальной справедливости, результат этой активности неоднозначен. Массовая бедность (28% в 2008 г.) очень влияет на ситуацию. Большая часть роста ВВП вызвана ростом доли сектора услуг, в то время как доля сельского хозяйства снизилась на 5% за последние 8 лет, достигая 14% в 2012 г. Дело в том, что 72% населения Индии проживает в сельских районах и зависит от сельского хозяйства, которое является их основным средством к существованию [9]. Экономический рост не является справедливым: плоды развития неравномерно распределены в городской и сельской местности, а также среди различных регионов и слоев общества. Кроме того, современная Индия характеризуется отсутствием политического консенсуса по основополагающим вопросам, кастовыми, языковыми, религиозными различиями и неоднородной идентичностью. Рост гражданского общества не сбалансирован, находится в начальной стадии и характерен для городских районов, в то время как большинство населения (72%) проживает в сельской местности. Массовая бедность, безработица и недостаточная осведомленность тормозят вовлечение населения в публичный политический процесс.

Кроме того, административное поведение в Индии характеризуется отсутствием единства целей и эффективности, злоупотреблениями, отсутствием публичной отчетности, коррупцией, политизацией бюрократии на высоком уровне и т.д. Общественная ответственность и честность государственных менеджеров – основные проблемы для государственного управления Индии. Согласно С. Р. Махешвари [10, р. 432-433], известному исследователю управления и административной ответственности, нежелание государственных менеджеров исполнять цели и задачи организации, в том числе в Индии, приобрело уже характер фарса. Собственный интерес чиновников доминирует в государственных структурах, что вылилось в коррупционное взаимодействие с гражданами. При оценке системы государственного управления распространены весьма резкие оценки: «Государственный аппарат, как правило, воспринимается как неэффективный, большинство функционеров не служат никакой полезной цели. Бюрократия запаздывает с ответом на вызовы современности и неэффективна. Коррупция пронизывает все жизненно важные органы в политической системе, подрывает экономический рост, конкуренцию, болезненно сказывается на низших слоях населения» [11, р. 108].

Целый ряд современных исследователей оценивают проблемы системы управления как источник всех дисфункций: без повышения эффективности управления, институтов политико-административного развития Индии трудно воспитывать своих граждан, создавать современную инфраструктуру, увеличивать производства сельскохозяйственной продукции и противостоять терроризму. Проблемы управления

обусловлены не только неспособностью государственных учреждений оказывать услуги в условиях постоянно растущих ожиданий, но и слабость гражданских способностей отстаивать свои интересы и выдвигать требования к системе. Возникает ситуация, когда ответственность политиков перед избирателями слаба, так как, с одной стороны, граждане не ощущают связи между голосованием на выборах и предоставлением таких услуг, как дороги, водоснабжение, образование и медико-санитарная помощь, а с другой стороны, есть проблема консолидации общественного мнения. Просматривается слабая способность граждан к самоорганизации, в том числе для требования более качественных услуг от государства или гражданского контроля, по причине политики каст и других особенностей идентичности. Таким образом, для политиков и чиновников оказывается мало стимулов для улучшения качества услуг [12]. Улучшение ситуации связывается сегодня с разрешением участия частного сектора в процессах предоставления государственных услуг в здравоохранении, начальном образовании, строительстве инфраструктуры и т.д., что позволит несколько разгрузить систему государственного управления и позволит правительству выполнить свои обязательства по поставкам основных услуг, которые плохо исполняются.

При децентрализации предоставления государственных услуг, правительство сможет разделять обязанности между уровнями власти, чтобы создать систему сдержек и противовесов. Это приводит к большей ответственности на местном уровне.

Наконец, использование большей прозрачности и информации может дать больше ответственности и повышение роли голоса граждан в обеспечении хорошего управления. Закон о праве на информацию, принятый в 2005 г., является шагом в правильном направлении, так как он расширяет доступ граждан к правительственным данным. Но все эти инициативы должны быть широко использованы для того, чтобы быть эффективными. «Некоторые наблюдатели объясняют проблемы управления Индии излишней демократичностью. Мы считаем, что имеет место «дефицит демократии» – причина проблемы [12].

Среди преимуществ, являющихся исторической особенностью или достижением Индии, можно выделить:

- высокое качество высшего образования и внимание к фундаментальной науке, позволяющее выпускать специалистов разного профиля (инженеров, медиков, экономистов и т. д.), связанное с широким распространением английского языка и англоязычной литературы (многие книги и журналы выходят одновременно в Англии, США и Индии);
- наличие многочисленного отряда высококвалифицированной рабочей силы в инновационных областях [13].

Заслуга правительства состоит так же и в том, что образование в Индии всегда рассматривалось в качестве ключевого инструмента развития, а точные науки являлись приоритетными. В 1986 г. Раджив Ганди провозгласил новую политику образования (National Policy on Education), в которой подчеркивалась необходимость увеличения финансовой и организационной поддержки системы образования. В 2000 г. премьер-министр Индии обозначил ключевые направления развития Индии как общества, основанного на знаниях. Следующим шагом стало формирование в 2001 г. отчета Комиссии по планированию, в котором были перечислены главные императивы, способствующие реализации такого общества [14; 15].

Оценивая особенности индийской модели, Л. Гринин говорит о сосуществовании трех различных миров. Если *третий мир* связан с бедностью и демографическим давлением, аграрным перенаселением, то *второй мир* проявляется в активной экономической деятельности государства в области развития инфраструктуры и экономики на основе

пятилетних планов, где государство регулирует экономическую деятельность и социальную жизнь. *Первый мир* олицетворяют устоявшаяся демократия, сложившийся институт частной собственности, крупные отечественные негосударственные корпорации, развитый рынок ценных бумаг, а также слой лиц свободных профессий и высококвалифицированных специалистов, занятых в частном бизнесе. Сегодня к ним добавились достижения в области инноваций и фундаментальной науки (отрасль информационных технологий – локомотив развития экономики). Индия по числу научно-технических работников занимает третье место в мире, из 500 компаний по списку Fortune около 200 пользуются индийскими программными услугами [13].

Таким образом, практически все исследователи современных социально-экономических процессов в Индии сходятся в ряде моментов, принципиально важных для формирования и функционирования политико-административных институтов развития, а именно:

- признание важности роли государства во всех сферах, которая, однако, несколько уменьшилась в результате реформ после 1991 г. Обобщая опыт современных экономических реформ А. Володин называет в числе значимых моментов «государственный интервенционизм, сопряженный с другими механизмами экономической динамики (частнокорпоративным сектором, мелкой и кустарной промышленностью, общинно-кастовыми институтами и т. п.)» [16, с. 97], что постепенно формирует благоприятные условия для утверждения рыночных отношений и модернизации всего экономического пространства.

- достаточно высокое внимание к инновационной инфраструктуре и научно-техническим инновациям. Это представляется значимым фактором, поскольку в условиях мирового финансового кризиса и ухудшения конъюнктуры мировых товарных рынков вопрос эффективности и инновационного развития национальной экономики является определяющим.

- наличие своеобразного гражданского общества (довольно значительный по численности средний класс), а также всесторонне развитая система общественных наук.

Экономисты и социологи высоко оценивают не только современный уровень развития социально-экономической сферы Индии («большой скачок»), но и ее потенциал: страна сделала ставку на развитие высоких технологий и образования. Высокотехнологичный сектор экономики Индии может помочь стране преодолеть негативные экономические последствия кризиса и вывести страну на новый качественный уровень социально-экономического развития. Индия в настоящее время поддерживает более 500 международных двухсторонних научно-исследовательских проектов с партнерами по БРИКС, с США и странами ЕС. «Сегодня это едва ли не единственная страна третьего мира, экономический успех которой, вызван не эксплуатацией природных ресурсов, не дешевизной рабочей силы, а использованием ее интеллектуального потенциала» [17, с. 67].

Противоречивость социально-экономического развития Индии прекрасно иллюстрирует разница в уровне доступности мобильного телефона и обычного водопровода: многие индийцы имеют мобильные телефоны, но при этом среднестатистический житель Индии не имеет водопровода в своем доме. Но, как пишет Р. Хаусман, это отражает тот факт, что телефоны намного дешевле, чем трубы и медные провода, и это дает возможность беднякам оплачивать необходимые для их использования фиксированные издержки. Но именно фиксированные издержки ограничивают диффузию сетей. «Стратегия инклюзивного роста должна сосредоточиться либо на путях снижения цен, либо оплаты постоянных издержек, которые необходимы для подключения людей к сетям. Стратегия инклюзивного роста должна улучшать положение людей, подключая их к сетям, которые делают их

продуктивными. Инклюзивность не следует рассматривать в качестве ограничения на рост, делающего его морально приемлемым» [18]. При правильном рассмотрении инклюзивность фактически является стратегией, которая обеспечивает устойчивый рост.

Литература

1. Волкова А.В. Управляемость государства в условиях глобализации: проблема формирования публичных ценностей // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9, № 4. С. 70-82.

2. Шерстобитов А.С. Государственные и частные акторы в телекоммуникационной отрасли в России: сеть или иерархия? // Политологическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5, № 4. С. 96-104.

3. Кулакова Т.А. Принуждение и солидарность как способы координации в политическом управлении // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. №143. С. 165-175.

4. The Corruption Perceptions Index. URL: <http://cpi.transparency.org/> (дата обращения: 18.03.2015).

5. Arora Ramesh K., Rajni Goyal. Indian Public Administration: Institutions and Issues. New Delhi: Wishwa Prakashan. 1995. 676 p.

6. Faster, Sustainable and More Inclusive Growth: an Approach to the Twelfth Five Year Plan. Government of India, Planning Commission. October. 2011. URL: http://planningcommission.gov.in/plans/planrel/12appdrft/appraoch_12plan.pdf (дата обращения: 23.02.2015).

7. Публичные ценности и государственное управление: коллективная монография / под ред. Л. В.Сморгунова, А. В. Волковой М.: Аспект-Пресс. 2014. 340 с.

8. Unlocking Human Capital: Entitlements and Governance – a case study. 2nd Administrative Reforms Commission – 2005. URL: <http://arc.gov.in/> (дата обращения: 10.03.2015).

9. Share of Agriculture in GDP Witnesses Decline // The Economic Times. 2012. 09 September. URL: http://articles.economictimes.indiatimes.com/2012-09-09/news/33713635_1_agriculture-sector-gross-capital-formation-cent (дата обращения: 20.03.2015).

10. Maheshwari S.R. Indian Administration (Hindi Edition). New Delhi: Orient Longman. 2001. 666 p.

11. Saxena N.C. Reducing Corruption through Policy Reforms // Ethical Governance in Business and Government / ed. Ramesh K. Arora. Jaipur: Aalekh Publications. 2013. Диапазон стр.? 108–122 p.

12. O'Neill J., Poddar T. Ten Things for India to Achieve its 2050 Potential. Global Economic Paper No 169. New York: Goldman Sachs, 2008. P. 6-7.

13. Гринин Л. Модели Развития Китая и Индии // Государственная Служба. 2013. №2 (82). С. 87–90.

14. Zeng D.Z. How technology and innovation drive two emerging giants: China and India? // International studies review. 2006. Vol. 7, N 1. P. 1-27.

15. Белоусова Т.В. Отрасль информационных технологий как локомотив развития экономики Индии // Инновации. 2007. № 10. С. 91–93.

16. Володин А. «Рост плюс развитие», или индийский опыт экономических реформ // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 10. С. 91-98.

17. Никифорова Т.В. Научно-исследовательская деятельность в Индии: особенности государственного регулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Экономика. 2009. № 2. С. 58-68.

18. Хаусман Р. Инклюзивная экономика. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/inclusiveness-key-strategy-for-growth-by-ricardo-hausmann-2014-11/russian> (дата обращения: 21.03.2015).

5. The BRICS: Role of Development Institutes in the States (L. Vedmet'skaya)

1. Introduction

In post-crisis world the ability of modern state to be competitive on the international level depends on its capacity to be flexible and proactive in instable environment (in decision-making process, carrying out the reforms, etc.). Modern socio-economic and political challenges, with which the states are faced every day, caused the great interest to the problem of the state governability and strong discussion about the role of public values (such as professional ethics, political trust, transparency of public institutes, etc.) and institutes which can stimulate the state to be flexible and competitive (Volkova, 2014).

It can be pointed out that stateness and dynamic capacities of the states today depend on their ability to organize an effective communication process with civil society to increase the efficiency of public administration. Development institutes are one of the effective ways to create and improve the competitive national regime of governability (Smorgunov, 2014, p. 92). Nowadays, development institutes play the role of forming factor of the state's dynamic capacities, i.e. capacity to develop and be competitive.

Dynamic capacities of the state are the important condition for forming national competitive advantage, because they are focused not only on maintaining short-term competitiveness of the company or the country, but on the "tomorrow" market, taking into account future changes in the environment. For example, it may be the tightening of global competition for resources in the situation of increasing rates of consumption and, at the same time, increasing rates of people's expectations of a permanent growth in the quality of life; increasing requirements to employees' training (including civil servants).

The main problem is that institutes need to create "tomorrow" competitiveness today, but it is possible to evaluate the correctness of action only when changes happen. However, researchers agree that in modern conditions it is not only possible to form the dynamic capacities, but it is necessary to do so. A special role in this process should be given to reproducible intangible resources: innovation, knowledge, education and science (Verkhov'skaya, 2006; International Research Conference, 2012).

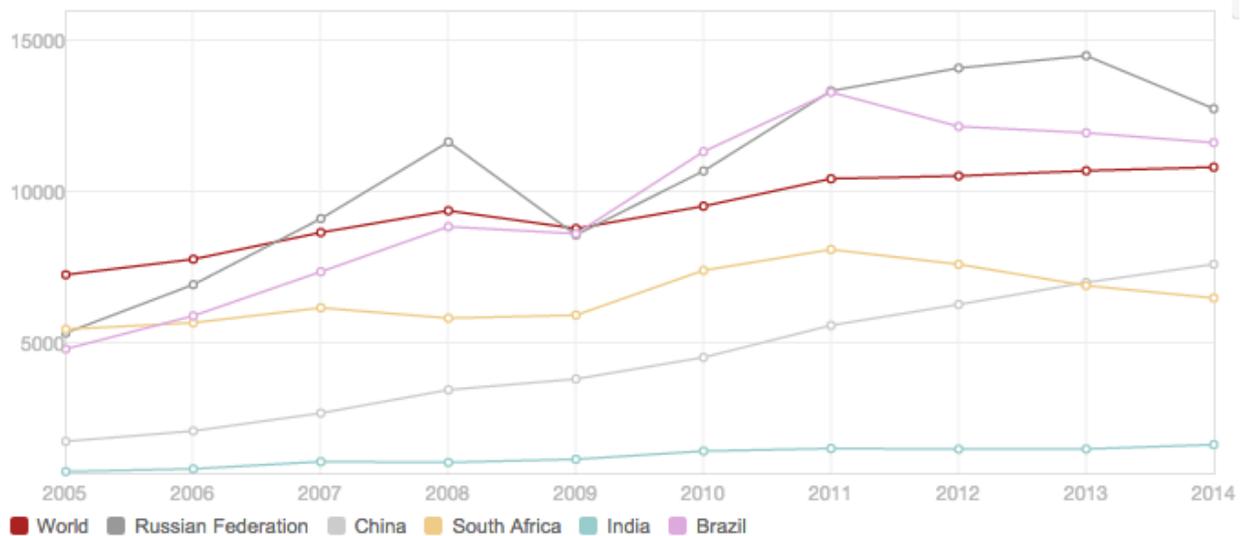
Dynamic capabilities, which are prerequisite for the formation of national competitive advantages, are embodied in development policy through the development institutes. Favourable conditions and the unique characteristics of the state are reflected through the *institutionalization* and become a part of the development strategy of the state. Meanwhile, trust is an essential component of the process of creation and support of any social institutes, including development institutes. Trust is always connected with the practical actions of people, based on existing experience of interaction with other individuals or institutions; it also creates the basis for the future actions (Ayurzanain, 2011, p. 27). That is why it is important to form such a development strategy, which will be supported by the people of the state.

Modern states are creating not only internal development institutes for providing the country with the mechanisms of building up the dynamic capacities and national competitiveness. We can look at the *BRICS* as at the platform for creation of the development institutes in the five intensively developing countries of the world.

2. The BRICS: the main characteristics of the states

The abbreviation "BRICS" first time was «formulated in 2001 by economist Jim O'Neill, of Goldman Sachs, in a report on growth prospects for the economies of Brazil, Russia, India and China – which together represented a significant share of the world's production and population» (Main Areas and Topics of Dialogue Between the BRICS, 2015). Another Goldman Sachs Report called “Dreaming with BRICs – The Path to 2 2050” was published in 2003. «The thrust of the argument of these reports was that the four BRICS countries would together account for 27 per cent of world economy and 40 per cent of its population by 2050» (Civil Society – BRICS Engagement, 2013, p.2). Even now BRICS in sum has an impressive GDP growth even in situation of economic instability and crisis (see Picture 1, 2).

Picture 1. GDP per capita (current US\$)¹³

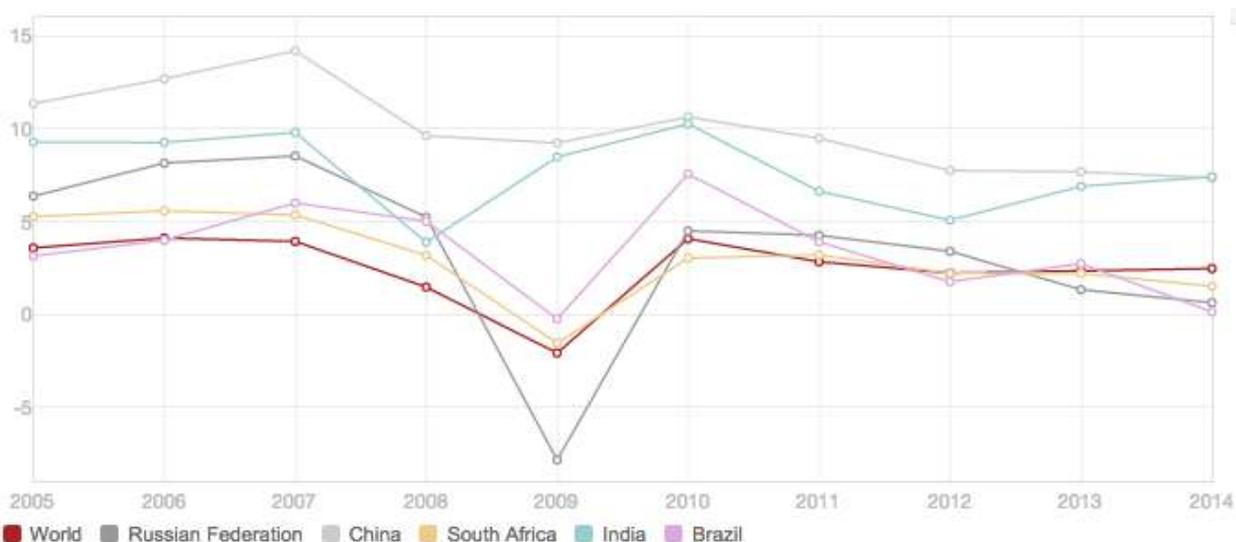

Source: The World Bank Data, 2015

Picture 2. GDP growth (annual %)¹⁴

¹³ GDP per capita is gross domestic product divided by midyear population. GDP is the sum of gross value added by all resident producers in the economy plus any product taxes and minus any subsidies not included in the value of the products. It is calculated without making deductions for depreciation of fabricated assets or for depletion and degradation of natural resources. Data are in current U.S. dollars.

¹⁴ Annual percentage growth rate of GDP at market prices based on constant local currency. Aggregates are based on constant 2005 U.S. dollars. GDP is the sum of gross value added by all resident producers in the economy plus any product taxes and minus any subsidies not included in the value of the products. It is calculated without making deductions for depreciation of fabricated assets or for depletion and degradation of natural resources.

Source: The World Bank Data, 2015

«In 2006, the four countries initiated a regular informal diplomatic coordination, with annual meetings of Foreign Ministers at the margins of the General Debate of the UN General Assembly (UNGA). <...> As of the First Summit, held in Yekaterinburg in 2009, the depth and scope of the dialogue among the Members of BRICs – which became BRICS in 2011 with the inclusion of South Africa – was further enhanced. More than an acronym that identified countries emerging in the international economic order, BRICS became a new and promising political-diplomatic entity, far beyond the original concept tailored for the financial markets, despite the fact that these five states are very different in their political-administrative and economic systems (Main Areas and Topics of Dialogue Between the BRICS, 2015) (see Table 1).

Table 1. General Information on BRICS Countries, 2013

	Area of territory (1 000 sq. km)	Capital city	Mid-year population (million persons)	Population density (persons per sq. km)	National currency
Brazil	8 515	Brasília	⁽¹⁾ 201	23.60	Real - R\$
Russia	17 098	Moscow	144	8.4	Rouble - Rub
India	3 287	New Delhi	⁽²⁾ 1 211	⁽²⁾ 382.0	Rupee - ₹
China	9 600	Beijing	1 357	141.0	Renminbi - RMB
South Africa	1 221	Pretoria	⁽³⁾ 52	⁽³⁾ 42.3	Rand - ZAR

Source: BRICS: Joint Statistical Publication: 2014

Brazil is a newly democratic federal republic with a presidential system. The president is both head of the state and head of the government. Country «has the classic tripartite branches of government formally established by the Constitution and its legal system follows the civil law tradition. The process of re-democratization began in 1985 after several decades of dictatorship and a period of military rule» (Rule of Law and Economic Development, 2012, p. 6).

Russia is a federal state with a semi-presidential system where the President is head of state and the Prime Minister is head of government. The federal government is composed of three branches: the legislative, executive, and judicial with the preponderance of the executive power. The process of democratization in Russia began in the early 1990s after the fall of the Soviet Union. In many ways, the transition from command economy to a market economy remains an ongoing

process with serious politico-administrative and economic difficulties on the modern stage of development.

India «is a federation with a parliamentary system. It obtained independence as a nation state in 1947. Its legal system is largely based on English common law, continuing the legacy of the British Raj. India's legal system is notably pluralistic. For example, in family law each religion adheres to its own specific laws. India's Constitution, which came into effect in 1950, is the lengthiest in the world. It prescribes, among others things, the federal and administrative structure, fundamental rights, and directive principles of state policy» ((Rule of Law and Economic Development, 2012, p. 7).

China is an authoritarian socialist state that has been ruled by the Communist Party of China since 1949. «The country's political structure has become more diffuse, however, and can no longer be characterized in rigid hierarchical terms. Since the 1980s, China shifted away from a Soviet-style centrally-planned economy to a more market-oriented mixed economy under one-party rule. <...> Today, its political system is partly decentralized and there are limited democratic processes internal to the Party (but there are still problems with free access to the internet, freedom of the press, formation of the social organizations, etc.). China's legal system is one of the oldest in the world. It is a complex mix of traditional Chinese approaches and Western influences. In the early XX century it adopted a legal code in the civil law tradition and in the latter half of the XX century was influenced by socialist law» (Ibidem, 2012, p. 7).

South Africa is a federal state comprising of a national government and nine provincial governments. The constitution of South Africa was adopted in 1996 and implemented officially on 4 February, 1997. Under the political system of South Africa, the President is the executive head of the state and of the cabinet elected by the parliament for two five year terms, so the state is a parliamentary republic. South Africa is composed of three branches: the legislative, executive, and judicial (Political System of South Africa). However, «citizens find that their legislative institutions, designed to interact with and represent them, are ineffectual, distant and unresponsive. They are intensely critical of all three levels of government: national, provincial and local» (Freedom House).

BRICS developed a broad agenda such as finance, agriculture, economy and trade, combating transnational crime, science and technology, health, education, corporate and academic dialogue, dialogue with civil society and security. In 2014, BRICS established the New Development Bank (NDB) as a financial mechanism for realization a broad programme of the states' development. The new institution will count initially with a subscribed capital of 50 billion US\$ (Main Areas and Topics of Dialogue Between the BRICS, 2015). No doubt, the NDB will also support creation of development institutes in each country.

Moreover, BRICS countries realize that it is essential to support and develop dialogue between their governances and civil society, that nowadays no association can be successful and dynamic without support of the business, scientists, representatives of the active NGOs. That is why, despite different political and cultural environment, temps of urbanization within each country, BRICS creates platforms for the dialogue with the civil society: Civil Society-BRICS Engagement Initiative (India, 2012), Civic BRICS (Russia, 2015), etc. The first planning sessions was held in Stockholm in 2011 with participation from civil society leaders from each of the BRICS countries.

Involvement of the civil society in the discussion of BRICS agenda is extremely important not only to provide the leaders with an opportunity to look at the problems from the viewpoints of different groups of the population and, consequently, to make decisions based on their views and interests, but as well to make decisions made at the Summits more legitimate and to ensure the desired effect of these decisions for the social systems of each of the Alliance's countries. Participation of the civil society in BRICS performance is also of great importance from the point of

view of an adequate retranslation of both decisions and commitments made by the leaders as well as BRICS performance deliverables to the international community' (Civil BRICS).

No doubt, such meetings of representatives of BRICS's civic society can be a platform for discussion of such issues as intensive urbanization, poverty, violence against women and children, climate change, food security and access to clean water, investments in education, etc. (Tandon, Bandyopadhyay, 2013, p. 14)

3. Development institutes as an instrument of realization of the dynamic capacities of the state

In this paper *development institutes* are defined as rules, regulations and organizational-management tools created by the government to stimulate reaching the main goals of the state development policy. Strategic ability of the state to implement development policy consistently is essential to adapt to the environment and even transform it. From the standpoint of economic theory development institutes may be presented as the form of 'institutional infrastructure that supports the generation of productive innovations (e.g. technology parks, venture capital funds, business incubators)' (Sablin, 2012, p. 33). Development institutions are social mechanisms of influence on the socio-economic processes in order to stimulate innovative activity of economic entities and modernization of the economy and socio-political institutions.

We argue that development institutes may be created not only in the economic sphere, but also in the political-administration, and social area. At a national level (including politico-administrative aspect) we can name different development institutes:

- Pluralism on the opinion about political decision-making (public chambers, public hearings in parliament, public discussions and so on). That means that they support an institutional diversity in socio-political sphere;

- Development and implementation in the various spheres of life innovation and new types of communication such as ICT, ensuring ease of use of the Internet by various groups to obtain government services on-line (computer literacy programs targeted at senior citizens, etc.) (Nevinnaya, 2013);

- Maintenance of the qualification of civil servants at the highest level in accordance with the basic principles of 'good governance', the development of e-government, anti-corruption system, etc.

Factors of dynamic capacities realization through the formation of development institutes can be divided into three types:

- *Political* (creating a favourable environment for the development of political regime, the choice of direction and strategy of development, etc.);

- *Administrative* (maintenance and development of cooperation and communication abilities of civil servants, correction of the principles of management under the requests of citizens, creation of an open system of governance and feedback from consumers of public services, etc.);

- *Cognitive* (use of innovation and intangible resources in socio-economic and politico-administrative areas, increasing the role of human capital in the production of public goods and public property, etc.).

The following examples of development institutes may illustrate how named factors of dynamic capacities realization influence the process of formation of development policy:

1. *Development institutes in the field of public policy.* Ensuring of the access of citizens and other actors (representatives of business, NGOs, etc.) to the process of implementation of public policy through the introduction of information and communication technologies is reflected in the development of e-government as a new way of providing public services, establishment of

communication with the people, usage of feedback from non-governmental organizations in the governance and so on. According to the Department of Economic and Social Development of the United Nations, which publishes an annual report, in 2014 Russia took 27th place (from the 192 possible), moving in the ranking by 32 points up from 2011 (United Nations E-Government Survey, 2014). According to this rating all BRICS countries show improvement of situation with e-government between 2012 and 2014 except Russia which keeps the same position (but this position is the highest among BRICS countries – see Table 2) (United Nations E-Government Survey, 2012). This fact indicates a gradual improvement of implementation of technologies of e-government’s principles in public policy.

Table 2. Position of the BRICS countries in the rating of United Nations E-Government Survey

Country	Position of the country in rating in 2012	Position of the country in rating in 2014
India	27	27
Brazil	59	57
China	78	70
South Africa	101	93
India	125	118

Source: United Nations E-Government Survey 2012, 2014

2. *Development institutes in the politico-administrative sphere.* This means training of decision-makers (e.g. regional governors in Russia who had to learn second language till 2014 according to the new order from the Russian government) and managers, incentives to obtain additional education of civil servants, the study of foreign languages by them, the establishment of anti-corruption mechanisms, the transparency of government policymaking (see Table 3) etc.

Table 3. Transparency of government policymaking: position of the BRICS countries in the rating (2014-2015)

Country	Transparency of government policymaking	Institutions as element of national competitiveness	Global Competitiveness index (144 countries)
Brazil	128	94	57
China	33	47	28
India	64	70	71
Russia	68	97	53
South Africa	35	36	56

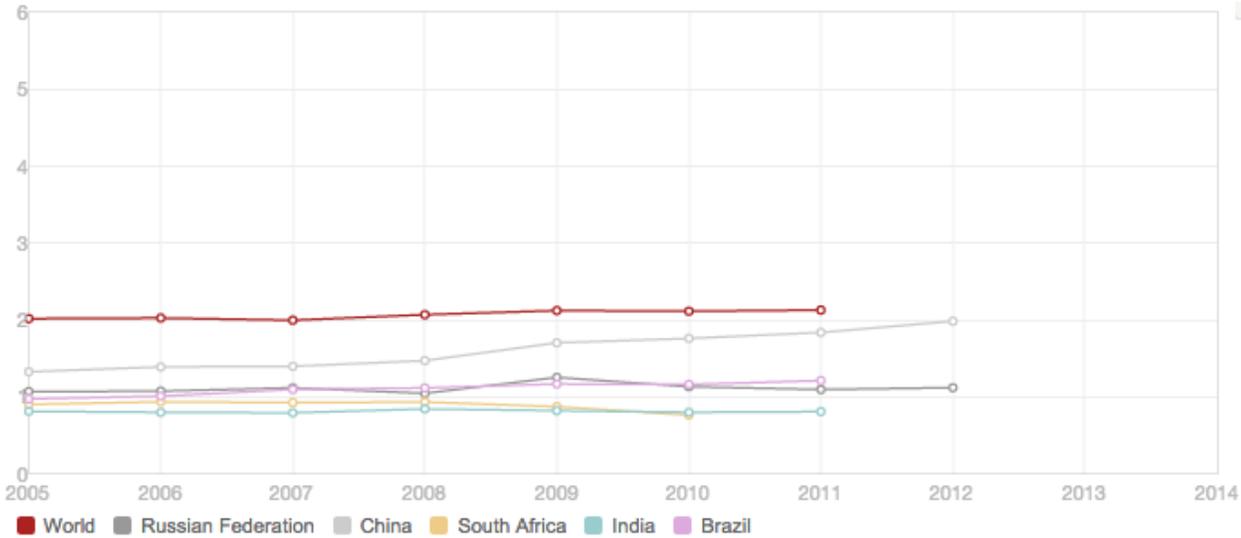
Source: The Global Competitiveness Report 2014–2015

Clear policy goals and transparent politico-administrative institutions (including development institutions) support higher levels of political trust. ‘Indeed, political trust tends to correlate quite strongly with government performance, to the extent that performance can be measured in a more or less objective manner’ (Political Trust, 2013, p.3). For BRICS countries it is typical to have some difficulties with this type of development institutes. For example, socio-

economic and political institutions and innovations are not the main source of their national competitive advantages. At the same time corruption and inefficient government bureaucracy are common problems for all of them in the process of improvement of competitive advantages (The Global Competitiveness Report 2014–2015).

3. *Development institutes in the field of science and technology.* The number of scientists in the country is affected by several factors, depending on the demand of scientific product in the industrial and business sectors, government support of universities and research centres, the opportunity to get a grant for development, technical support of laboratories and so on. Public spending on science and technology are also reflected in the degree of support of research by the government (e.g. the Russian Humanitarian Science Foundation, the Russian Foundation for Basic Research in Russian), the development of universities and so on (see Picture 3, 4). Modern states are faced with the need to choose the development strategy for the forming of appropriate capacities; and the sphere of production and adaptation of knowledge and innovation is one of the most promising in the era of knowledge economy.

Picture 3. Research and development expenditure (% of GDP)¹⁵

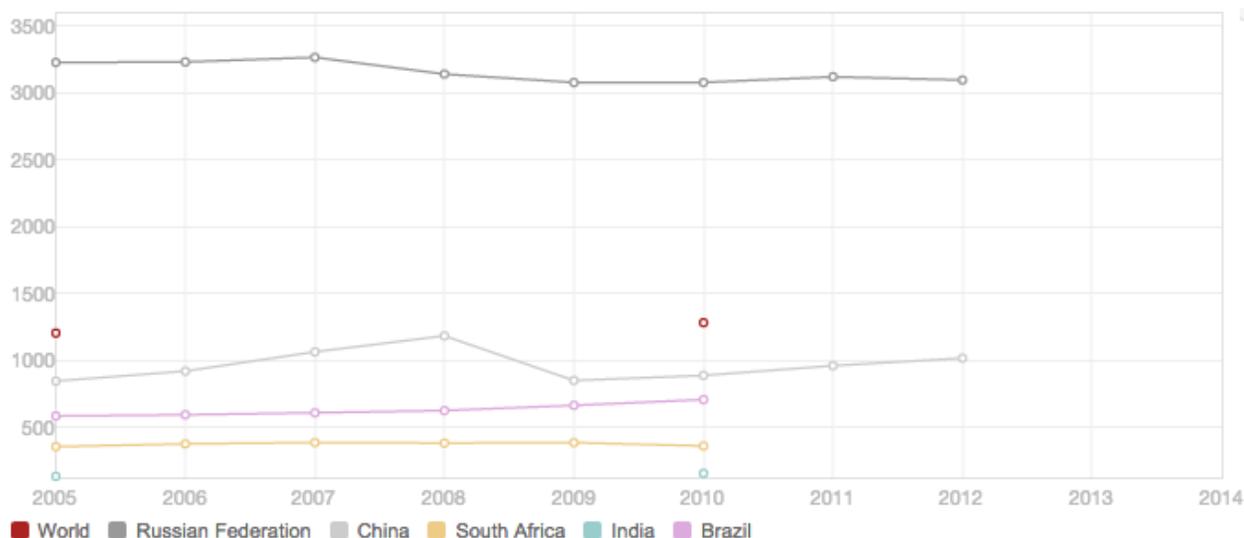

Source: The World Bank Data, 2015

Picture 4. Researchers in R&D (per million people)¹⁶

¹⁵ Expenditures for research and development are current and capital expenditures (both public and private) on creative work undertaken systematically to increase knowledge, including knowledge of humanity, culture, and society, and the use of knowledge for new applications. R&D covers basic research, applied research, and experimental development.

¹⁶ Researchers in R&D are professionals engaged in the conception or creation of new knowledge, products, processes, methods, or systems and in the management of the projects concerned. Postgraduate PhD students (ISCED97 level 6) engaged in R&D are included. In India – 137 per million people in 2005, 160 in 2009

Source: The World Bank Data, 2015

We can see at the graph that potential of the states in research and development sphere is completely different in the five countries. China as economic giant on the international arena also spend more money on the R&D than other states, while there are incomparably more researchers per million people in Russia than in the rest BRICS countries (more than 3000 researchers/million people since 2005, while in India the number doesn't reach more than 160 researchers in 2009). However, in 2010 BRICS created Academic Forum and Think Tanks Council to create and support development institutes in the field of science and technology:

'Since 2010, the Academic Forum of the BRICS meets annually, prior to the Summits, with the participation of a large number of distinguished professors from the five countries. It constitutes an important instance of civil society participation in the BRICS process. The meetings have provided original brainstorming from the member countries on the challenges and opportunities that they face.

The BRICS Think Tanks Council, established in 2013, consists of the following institutions: Institute of Applied Economic Research (Brazil); National Committee for BRICS Research (Russia); Observer Research Foundation (India) ; China Center for Contemporary World Studies (China) ; and Human Sciences Research Council (South Africa) . The Council is responsible for sharing and disseminating information; research, policy analysis and prospective studies; and capacity-building. Recommendations of both the Forum and the Council shall be addressed to the leaders' (Main Areas and Topics of Dialogue Between the BRICS, 2015).

4. *Development institutes in the field of cooperation between science and business.* Establishment of cooperation between science and business / industrial sector is displayed in joint projects, scientific products and research sponsored by business (forums, scientific conferences, internships, etc.). These practices can be called the elements of the creation and implementation of national innovation systems (NIS), which 'are a priority direction in the policy of building a knowledge economy' (Smorgunov, 2012, p. 140).

Development institutes of the state are the product of human behaviour and are connected to the processes of forming capacities of the state (including dynamic capacities). That is why we should pay particular attention to the role of human capital and trust in the creation of development institutes.

4. Building of Human Capital as a Condition for the Creation of Development Institutes

Building and maintaining of the human capital at a high level is the important condition for the creation of development institutes. Development of human capital is one of the priority tasks of political governance, and the role of government in these processes is exceptional. It develops infrastructure, forms comfortable public policy and conditions to access to information banks of the state, sponsors research projects, etc.

Human capital can be defined as valuable intangible resources of society, expressed in creative and constructive capabilities of individuals to create and apply knowledge, innovation, values (Tumanova, 2011). Special intellectual potential of a person is taken into account, because he is an active actor of socio-economic and governance processes (Ishmuhametov, 2008). The terms ‘human capital’ and ‘human potential’ first appeared in the works of economist T. Schultz. He proposed the definition of these phenomena: ‘all human resources and capacities are either congenital or acquired. Everyone is born with an individual set of genes determining its innate human potential. Acquired valuable human qualities that can be enhanced by appropriate investments, we call human capital’ (Ugryumova, Savicheva, 2010, p. 199).

Through investments in education, health and social welfare state is able to increase human potential and to build human capital. The state creates favourable conditions for human development and has the primary responsibility for human development as it has the majority of resources and capabilities compared to the private sector and business. As the authors of the Human Development Report prepared by UNDP in 2013 say,

‘...Strong, proactive and responsible government is developing public policy for the public and private sectors, based on the long-term vision and leadership, shared norms and values, as well as the rules and institutions that form trust and cohesion. Achieving of sustainable transformations’ results requires states to articulate a coherent and balanced approach to the development <...> Priorities should be focused on the person and help to create opportunities for self-development...’ (Bondarenko, Zimarina, 2013, p.4).

In transition countries, ‘there is a significant positive correlation between the quality of political governance and level of development of human potential’. UNDP analysts cite the example of the countries of Central and Eastern Europe and the Baltic States, which ‘reached a high level of human development, and achieved good results in improving governance’, and the post-soviet countries and Mongolia ‘were more likely to experience deterioration of tangible and intangible conditions of human development, as well as the quality of governance in the administrative-political sphere and the strengthening of civil society’ (Ariun-Erdene, 2009). These facts led to the conclusion that the quality of political and administrative management has a positive effect on the accumulation of human capital in countries with economies in transition (Volkova, 2012, 199) (See Table 4, Picture 5).

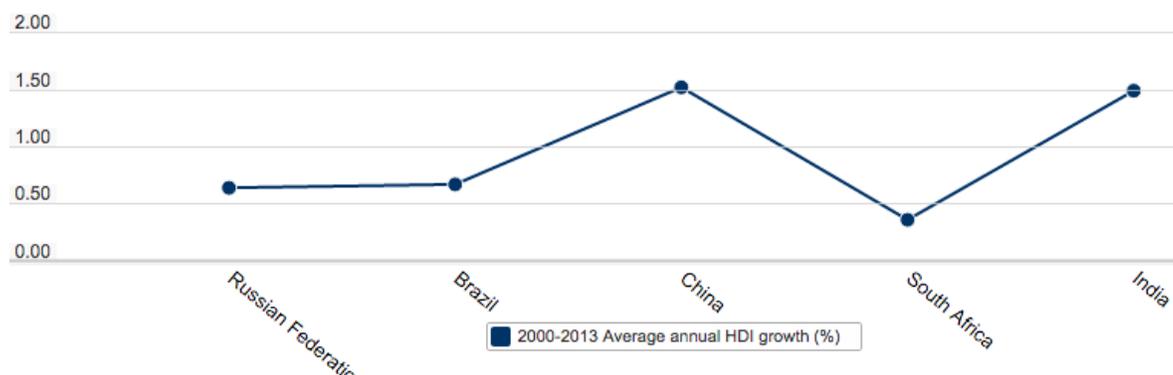
Table 4. Human Development Rank, 2014

o	HDI Rank	Country
	57	Russian Federation

	79	Brazil
	91	China
	118	South Africa
	135	India

Source: Human Development Index, UNDP, 2014

Picture 4. Human Development Index trends, 1980-2013

Source: Human Development Index, UNDP, 2014

Moreover, human and social capital correlates with the trust to another people or institutes: 'the relationships, communities, cooperation, and mutual commitment that characterize social capital could not exist without a reasonable level of trust. Without some foundation of trust, social capital cannot develop' (Qianhong Fu, 2004, p. 19). Trust as social capital means that there is a close associative relation between people. These relations are revealed 1) in the form of confidence that the other person will holds to the rules of the game and 2) in the confidence in the system and others (Krivosheeva-Medyantseva, 20013, p. 16). Trust may be called a precondition and also a product or benefit of social capital:

'Without some foundation of trust, social capital cannot develop – the essential connections will not form. So trust is a precondition of healthy social capital. On the other hand, the trust-based connections that characterize social capital lead to the development of increased trust as people work with one another over time' (Qianhong Fu, 2004, p. 30).

As we already pointed out, nonmaterial resources including human capital, knowledge and innovations are the source of dynamic capacities. According to the Edelman Trust Barometer 2015, trust is essential to the innovations, because higher institutional trust creates opportunities for faster innovation and development of socio-economical system of the state (Trust around the world, 2015).

BRICS unites developing countries with different political and administrative regimes, but all of them understand the role of human capital in the development of the state, that is why from year to year public expenditure on education and health grows, even if this growth is very temperate (see Table 5)

Table 5. Summary of People's Living Standard on BRICS Countries, 2000/2013

Share of public expenditure on education to GDP (%)										
Brazil	4.8	4.1	4.3	4.6	4.8	5.2	5.1	5.2	5.3	...
Russia ⁽¹²⁾	2.9	3.7	3.8	4.0	4.0	4.6	4.1	4	4.1	⁽³⁾ 4.3
India ⁽¹⁴⁾	3.2	2.6	2.7	2.6	2.9	3.0	3.1	3.3	⁽¹⁴⁾ 3.1	...
China ⁽¹⁶⁾	2.9	2.8	3.0	3.2	3.3	3.6	3.7	3.9	4.3	...
South Africa	4.5	6.1	6.4	6.8	7.9	9.3	10.1			
Share of public expenditure on health to GDP (%)										
Brazil	3.9	4.3	4.5	4.7	4.7	5.1	4.9	4.8	5.0	...
Russia ^{(12) (17)}	2.1	3.7	3.6	4.2	3.7	4.3	3.7	3.5	3.7	⁽¹⁸⁾ 3.5
India ⁽¹⁴⁾	...	1.2	1.2	1.3	1.3	1.4	1.3	1.3	⁽¹⁴⁾ 1.4	...
China ⁽¹⁸⁾	4.62	4.68	4.55	4.35	4.63	5.15	4.98	5.15	5.4	...
South Africa										

Source: BRICS: Joint Statistical Publication: 2014, P. 62

5. Trust as informal development institute

As all social institutes development institute includes formal and informal relations. Russian economist Grozova O. identifies two types of development institutes: *formal* (institute of innovation support and activity, institute of fundamental and professional education, institute of informational security, etc.) and *informal* (institute of trust, of creative thinking, of partnership and cooperation) (Grozova, 2012, p. 3). Here we can see that trust can be investigated as vital element of development institutes. We argue that trust is thus an important element of comprising the dynamic capacities of the state and is crucial to its' development and good governance, while the lack of trust limits opportunities for strategic development of the state.

Such phenomena as trust, social norms and networks can improve the efficiency of society by maintaining the concerted actions and cooperative behaviour in society. On the contrary, the low level of consolidation and a limited number of social channels in society can be a powerful filter for the transfer of material and nonmaterial recourses. Social capacities, which also include certain competence in the field of public policy, are essential for the formation of competitive advantages of the state. They shift the focus from the only economic indicators that identify the state's ability to create economically effective environment and to be competitive in the production of goods and services, to social and political-administrative: the level of trust of representatives of civil society and business to the government (Marien, 2000, p. 31-33), the role of public values in the process of creating a suitable institutional environment for the formation of dynamic capacities of the state.

In this paper *trust* is understood as transparent relations and the ability to share important information, opportunities and resources between individuals and plays an important role in the processes of new development institutes formation. In sociological theory trust usually is divided into *personal*, *network* and *institutional* trust. If our understanding of the actions of another person and expectations about the future is based on the experience of personal interaction in the past, we can talk about personal trust. If we interact with actor or institute we don't know personally, but know those with whom he/it interacts more or less regularly, we can talk about the network trust. Impersonal or institutional trust is based on expectations that the partner/institute will behave predictably in accordance with recognized standards, both formal and informal (Volchik, 2012, p. 12). All three types of trust are important for the creation and support of development institutes, but in this paper we will mostly take into account institutional trust.

Developed institute of trust is an important factor in the determining the effectiveness of the socio-political institutes. The system of partnership is an effective way to overcome the problems of formation and growth, improvement of competitiveness, reduction of uncertainty by structuring the environment and establishing control over the environment (Dorofeeva, Ermolova, 2012, p. 3). For example, chairman of the Management Committee for the CIS Joe Watt points out that Russia and

China have some problems with close deals on the international level because of the lack of trust and understanding of cultural differences between the nations:

'Russia and China, in contrast with Russia and Western Europe, do not have a long history of mutual business, and thus lack the trust and the understanding that come with that. <...> Indeed, when I talk to Russian businessmen or Russian government officials, I often hear, "We don't understand one another. We don't know what the Chinese want."' (Watt, 2014)

Moreover, trust can fasten together a variety of heterogeneous groups (e.g. business groups and representatives of research centres) bonded by interpersonal collaboration and friendship (Sotarauta, 2003, p. 4). Trust helps to create and disseminate new knowledge faster according to the main principle of wikinomics (Tapscott, Williams, 2008): sharing the information and knowledge beyond the boundaries of separate firms and institutes for economic development and creation of innovations. The level of trust and values plays a crucial role during the period of the individual perception of the state development strategy and implementation of national competitive advantage, which creates conditions for the adoption of the reform and tolerance of possible negative consequences. Positive transformation of individual areas may be accompanied by a number of negative consequences, such as damage to the environment or promoting social tensions. These problems society and the state can solve on the next phase of the development if citizens trust and support the governance (Fritz, Menocal, 2007, p. 534).

The necessity of trust in the socio-political relations is the object of research for many scholars. The book by ECPR Press 'Political Trust: Why Context Matters' is a good example of this. Theoretically and empirically the authors of this book show that trust 'is a crucial basis of social integration and of stable government' (Zmerli, Newton, 2013, p.67). States with dynamic capacities or a great potential to develop dynamically are successful in creation and support of development institutes, and it is intuitively clear that trust plays the great role in forming and using development institutes.

For instance, in Russia in 2011 was started an intellectual project in the system of public administration the 'Strategy 2020 Project' which is a bright example of development institute. It was directed on making recommendations about the solution of social and economic strategic issues. This project united a great number of experts (including foreign experts), representatives of the research centres, higher education institutions, NGOs and the government. The purpose of the project was to create the final document including recommendations about several directions of social and economic policy of Russia till March 2012.

21 expert groups were created on the basis of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration and National research university 'The Higher School of Economy' in 2011. They were engaged into making the recommendations for the Russian government. On March 2012 the final document 'The Final Report on Results of Expert Work on Actual Problems of Social and Economic Strategy of Russia for the Period till 2020' was finished. It includes recommendations on a wide spectrum of problems in the field of social and economic development and innovative activity in the processes of political governance. But none of the recommendations was used as a base for a policy or a law. One of the distinctive features of the project was that there were very few sources of experts invited by the administration (mainly 2 academic institutions were involved in it). This fact says that for the government and parliament very short number of academic institutes has credit of trust and is allowed to take part in the process of formal development institutes creation. From the other side, citizens didn't show much interest in such type of projects, because they could feel the lack of trust to the formal projects organized by the authorities.

4. Conclusions

Development institutes counteract institutional traps, stimulate system's development and sensitivity to changes in the environment. Institutionalization of dynamic capacities is an important process for the implementation of development policy of the state and for the formation of national competitive advantage. Without institutionalization we can only talk about the potential of the dynamism of society. There are quite a lot of examples of successful construction of development institutes in the world (business forums; conferences and meetings of representatives of government, business, education and science; the creation of business incubators; the formation of knowledge networks in public administration, etc.).

However, copying institutions, excluding political, cultural and institutional specific features of the state is dangerous and does not guarantee success; but on the contrary, it can slow down the process of development of the system. For example, in Russia there are all preconditions and possibilities for the development of high-tech industries. There is support for research activities of research laboratories at universities and institutions, the creation of such specialized projects as Skolkovo Innovation Centre, etc. However, according to the Global Competitiveness Report 2013-2014, the ability to retain talented people in the country and attract them with the help of the prospects for scientific or business career in Russia is one and a half times lower than in China, Brazil, South Africa and India (BRICS countries), which may indicate problems of the state to create attractive for citizens development institutions or maintain a comfortable environment for entrepreneurs and investment funds¹⁷. Russia is an example of creating and maintaining fragmented development institutes, which does not let the system to create dynamic capacities and long-term competitive advantage. This is confirmed by the international ratings.

This example shows us that institutes are not always effective. The reasons for the relative inefficiency of institutes can be hidden in institutional inertia, dependence on previous policy, and finally, in the deficit of trust, causing dysfunction management and engender negative stimuli. Axelrod 'has argued that trust should exist in societies and groups that are successful because of their ability to cooperate, and should consist in nothing more than trust in the success of previous cooperation. A substantial literature demonstrates that where relationships are high in trust, people are more willing to engage in social exchange and cooperative interaction' (Qianhong Fu, 2004, p. 21-22).

But trust itself is a complex and varied phenomenon and moreover it is correlated with the political culture of the state (Marien, 2000, p. 95). In some societies trust to political institutions is traditionally high (as in Nordic countries) while in others it is low (as in Eastern Europe) (Van der Meer, 2013, p. 95), but does not affects competitiveness of the state (see Table 6). From the table we can see that trust to the government or civil services is higher in China or India than in the United States, but according to the Index of Global Competitiveness the USA are more successful than China or other BRISCS countries. It is obvious that political culture and regime influence the process of creating the development institutes and effectiveness of the state's policy. And there can't be big surprise that institutional trust within country differs from the institutional trust on the international level.

---

¹⁷ Russia's ability to retain talented people is estimated by experts at 2.8 points, China - 4.3 points, Brazil - 4.1 points, India and South Africa - 3.8 points respectively. The highest rate has Finland - 5.8 points (The Global Competitiveness Report 2013-2014, 2013, p. 495-496)

Table 6. Trust in political and social institutions of the BRICS countries according to the Global Competitiveness index (The Global Competitiveness Report 2014–2015)¹⁸

---

¹⁸ In the table there were taken the BRICS countries and five countries from different continents which have dynamic capacities or a great potential in dynamic development. According to the previous research, Russia, Brazil and South Africa don't have enough resources to create dynamic capacities, but China and India have great potential in forming of dynamic capacities (Vednitskaya, 2013)

	Australia	Brazil	China	Germany	India	South Korea	Russia	South Africa	Sweden	United States
GCI 2014 -2015	2 2	7	8		1	6	5 3	6	1 0	3
Courts										
A great deal	1 4,1	0,8	1,1	7	2,5	0,9	4 ,9	6,3	1 8,6	8 ,9
Quite a lot	4 4	9,8	0	4,3	6,9	5,8	2 7,6	3,2	5 6,9	4 4,9
Government (in nation's capital)										
A great deal	3 ,9	,1	7,7	,5	2,2	,8	7	4,5	9 ,4	3 ,7
Quite a lot	2 6,1	5,9	6,9	8,9	2	3,7	4 0,4	1,5	5 0,5	2 8,9
Political Parties										
A great deal	1 ,7	,1	7,3	,6	5,4	,4	2 ,7	0	1 ,9	1 ,2
Quite a lot	1 1,4	4,8	7,2	1,3	2,9	3,7	2 3,3	6,4	4 0,3	1 1,3
Parliament										
A great deal	4 ,7	,2	8,8		4,3	,2	3 ,3	2,7	7 ,3	1 ,7
Quite a lot	2 3,6	9,7	8,6	8,5	3	2,3	2 7,2	0,4	5 2	1 8,5
Civil service										
A great deal	4 ,2		6,6	,3	3		5 ,4	2,3	2 ,5	4 ,3
Quite a lot	3 9,5	3,8	9,1	8,9	5,7	3,1	4 1,2	9,8	4 8,1	4 0,8
Most people can be trusted										
Need to be very careful	5 1,4	,1	0,3	4,6	2,1	6,5	2 7,8	3,3	6 0,1	3 4,8
Need to be very careful	4 7,8	2,2	5,2	3,8	4,6		6 6,2	6,2	3 7,2	6 4,3

Source: World Value Survey Wave 6 (2010-2014)

According to the data of the Global Competitiveness index 2014, we can point out that there is no rough correlation between flexibility and competitiveness of the state and citizen's trust in the socio-political institutes, including development institutes. This relationship is more complicated and need situation analysis. In the situational concept of governance possibility to create and coordinate socio-political institutes is determined by the actors of the socio-political process, political culture, the characteristic features of the environment. But institutional trust to the market or to the state on the international level plays essential role in the process of forming national competitiveness and dynamic capacities of the state. This statement is more than relevant for the BRICS countries, which have «positive indication for a broader and stronger, responsive and responsible global governance system for a changed world» (Xiaoyun, Carey, 2014. p. 16).

References

1. Ariun-Erdene B. (2009) Human Development and Public Administration: Empirical Analysis. UNDP, Moscow (Ариун-Эрдене Б. (2009) Человеческое развитие и государственное управление: эмпирический анализ. ПРООН, Москва). Retrieved from <http://europeandcis.undp.org/data/show/A26B35BC-F203-1EE9-B33F74CE9DD33C07>
2. Ayurzanain (2011) Institutional Trust as a Factor of Development of Financial Institutions in Contemporary Economics. 7(80), 40– 45. Retrieved from http://ecsn.ru/files/pdf/201107/201107_40.pdf Economic sciences (Аюрзанайн А.Б. (2011) Институциональное доверие как фактор развития финансовых институтов в современной экономике. Экономические науки. 7(80), 40– 45. Retrieved from http://ecsn.ru/files/pdf/201107/201107_40.pdf)
3. Bondarenko A., Zimarina O. (2013) Human Development Report 2013. The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World. Published for the UN Development Programme. Moscow: All World, 2013. 203 p. (Доклад о человеческом развитии-2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире // Опубликовано для Программы развития Организации Объединенных Наций / Под ред. А. Бондаренко, О. Зимарина (ПРООН). М.: Весь мир, 203 с.)
4. BRICS: Joint Statistical Publication: 2014; Brazil, Russia, India, China, South Africa (2014) IBGE. Rio de Janeiro. □212 p.
5. Civil BRICS. Retrieved from <http://www.civilbrics.ru/en/gr-brics/>
6. Civil Society – BRICS Engagement: Opportunities and Challenges (2013) Edited by R. Tandon, K. K. Bandyopadhyay. PRIA and FIM. 22 p.
7. Dorofeeva L.I., Ermolova O.V. (2012) Trust as a Factor in the Competitiveness of Enterprises. Bulletin of the Saratov University. 12 (4), 3 – 8 (Дорофеева Л. И., Ермолова О. В. (2012) Доверие как фактор конкурентоспособности предприятия. Известия Саратовского университета. Т. 12. Сер. Экономика. Управление. Право, вып. 4, 3 – 8)
8. Freedom House (2015). Section 3: Political System, Leaders and the Institutions of South African Democracy. Retrieved from <https://freedomhouse.org/report/twenty-years-south-african-democracy/section-3-political-system-leaders-and-institutions#.VbfII8btmko>
9. Fritz V., Menocal A. R. (2007) Developmental States in the New Millennium: Concepts and Challenges for a New Aid Agenda. Development Policy Review. 25 (5), 531-552
10. Grozova O.S. (2012) On the Classification of the Development Institutions and Institutional Risks of Innovational Activity. Modern Problems of Science and Education. 4 (Грозова О. С. (2012) К вопросу о классификации институтов развития и институциональных рисков

инновационной деятельности. Современные проблемы науки и образования. 4) Retrieved from www.science-education.ru/104-6811

11. Human Development Index (2014), UNDP. Retrieved from <https://data.undp.org/dataset/Table-2-Human-Development-Index-trends-1980-2013/y8j2-3vi9?>
12. International Research Conference “Dynamic Capabilities, and the Sustainable Competitiveness of Firms and Nations” (2012) Russian Journal of Management. 10 (4), 127 – 132 (Международная научная конференция «Динамические способности и устойчивая конкурентоспособность фирм и стран». Хроника (2012) Российский журнал менеджмент. Том 10. № 4, 127 – 132.)
13. Ishmuhametov N. S. (2011) Role of the State in Formation of Conditions of Sustainable Human Capital. State Policy. Electronic Bulletin. 28, 1 – 13 (Ишмухаметов Н. С. (2011) Роль государства в формировании условий устойчивого развития человеческого капитала. Государственное управление. Электронный вестник. 28, 1 – 13)
14. Krivosheeva-Medyantseva D. D. (2013) Trust as a Factor of Economic Development: Study from the Perspective of Institutional Economic Theory. Terra Economicus. 11 (2), 15 – 20 (Кривошеева-Медянцева Д. Д. (2013) Доверие как фактор экономического развития: исследование с позиций институциональной экономической теории // Terra Economicus. 11 (2), 15-20)
15. Main Areas and Topics of Dialogue Between the BRICS (2015). Retrieved from <http://brics.itamaraty.gov.br/about-brics/main-areas-and-topics-of-dialogue-between-the-brics>
16. Marien S. (2000) Measuring Political Trust Across Time and Space. Trust in Government. Ethics Measures in OECD Countries. Paris: OECD, 2000, 14 – 46
17. Nevinnaya I. (2013) Ministry of Labour will Train Each Pensioner on Computer Literacy. Rossiyskaya gazeta (Невинная И. Минтруд обучит компьютерной грамотности каждого пенсионера. Российская газета. 05.07.2013) Retrieved from <http://www.rg.ru/2013/07/05/obuchenie-site.html>
18. Political System of South Africa (2015). Retrieved from <http://www.123independenceday.com/south-africa/political-system.html#sthash.jQBxR037.dpuf>
19. Political Trust: Why Context Matters (2013) Edited by S. Zmerli and M. Hooghe. The ECPR Press. University of Essex, Colchester. 225 p.
20. Qianhong Fu (2004) Trust, Social Capital, and Organizational Effectiveness. Blacksburg, VA. 39 p.
21. Rule of Law and Economic Development: A Comparative Analysis of Approaches to Economic Development across the BRIC Countries (2012) Edited by N. Ramanujam, M. Verna. Montreal. 276 p.
22. Sablin K. S. (2012) Role of the Institutional Environment in Formation of Development Institutes. Journal of Institutional Research. 4 (2), 32 – 42 (Саблин К. С. (2012) Роль институциональной среды в формировании институтов развития. Журнал институциональных исследований. 4 (2), 32 – 42)
23. Smorgunov L. V. (2012) In Search of Controllability: Concepts and Transformations of Public Administration in the XXI Century. Saint-Petersburg: Publishing house of the St. Petersburg University. 362 p. (Сморгунов Л. В. (2012) В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 362 с.)
24. Smorgunov L. V. (2014) The State and Governability in the BRICS States. Vestnik SPBU. 6 (2), 90 – 97 (Сморгунов Л.В. (2014) Государство и управляемость в странах БРИКС: постановка проблемы. Вестник СПбГУ. Сер. 6. Вып. 3, 90-97)
25. Sotarauta M. (2003) Dynamic Capacities in Promotion of Economic Development of

- City-regions. Paper from the 43rd European Congress of the Regional Science Association, "Peripheries, Centres, and Spatial Development in New Europe". Jyväskylä, Finland, 21 p.
26. Tapscott, D., Williams, A. D. (2008) *Wicinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*. London: Atlantic Books, 351 p.
  27. The Global Competitiveness Report 2014–2015: Full Data Edition (2014) Edited by Prof. Klaus Schwab. World Economic Forum. Geneva, 549 p.
  28. The World Bank Data (2015). Retrieved from <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD/countries/1W-RU-CN-ZA-IN-BR?display=graph>
  29. Trust around the world (2015) Retrieved from <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2015-edelman-trust-barometer/trust-around-world/>
  30. Tumanova U. V. (2011) Human Potential as Factor of Socio-Economic Development. Articles from International Scientific Conference 10-11 May 2011. Penza-Semipalatinsk: "Sociosfera". 58 – 59 (Туманова Ю. В. (2011) Человеческий потенциал как фактор социально-экономического развития. Материалы международной научно-практической конференции 10–11 мая 2011 года. Пенза–Семипалатинск: Научно-издательский центр «Социосфера». 58 – 59)
  31. Ugryumova M. A., Savicheva A. N. (2010) Human Potential of Russia: Evaluation, Condition and Problems. Almanac of Contemporary Science and Education. 2 volumes. 1st volume. Tambov: Gramota. 2 (33), 199 – 201 (Угрюмова М. А., Савичева А. Н. (2010) Человеческий потенциал России: оценка, состояние и проблемы развития. Альманах современной науки и образования. В 2-х ч. Ч. I. Тамбов: Грамота, 2 (33), 199 – 201)
  32. United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People (2012) Department of Economic and Social Affairs. New York: United Nations, 143 p.
  33. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want (2014) Department of Economic and Social Affairs. New York: United Nations, 264 p.
  34. Van der Meer T., Dekker P. (2013) Trustworthy states, Trusting Citizens? Political Trust: Why Context Matters. Edited by S. Zmerli and M. Hooghe. The ECPR Press. University of Essex, Colchester. 95-117
  35. Vednitskaya L. (2013) Dynamic Capacities of the State and Development Policy. PhD Dissertation. 194 p.
  36. Verkhovskaya O. R. (2006) Dynamic Capacities of the Firm: what is Needed to Make them Capable? *Vestnik of St. Petersburg University*. 8 (4), 183 – 185 (Верховская О. Р. (2006) Динамические способности фирмы: что необходимо, чтобы они были способностями? *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 8. Вып. 4. 183—185)
  37. Volchik V. V. (2012) Problem of the Trust and Modernization of the Institutes. *Terra Economicus*. 10 (2) (Вольчик В.В. (2012) Проблема доверия и модернизация институтов. *Terra Economicus*. 10 (2)) Retrieved from <http://institutional.narod.ru/papers/volchik2012.pdf>
  38. Volkova A. V. (2012) Potential of Human Technologies in the State Personnel Policy of Russia. *Sociology of Power*. 3, 198 – 202 (Волкова А. В. (2012) Потенциал гуманитарных технологий в государственной кадровой политике РФ // *Социология власти*. №3, 198 – 202)
  39. Volkova A. V. (2014) State Managerability and Civil Competence. Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and History of Art, Tambov: Gramota. 4 (42), 44 - 47 (Волкова А. В. (2014) Управляемость государства и гражданская состоятельность. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов: Грамота. 4 (42): в 2-х ч. Ч. I. 44-47)

40. Xiaoyun L., Carey R (2014) The BRICS and the International Development System: Challenge and Convergence? Evidence Report: Rising Powers in International Development. No 58. 21 p
41. Watt J. (2014) Capitalizing on Trust. BRICS Business Magazine. Retrieved from <http://bricsmagazine.com/en/articles/capitalizing-on-trust>
42. World Values Survey website. Retrieved from http://www.worldvaluessurvey.org/index_html
43. Zmerli S., Newton K. (2013) Winners, losers and three types of trust. Political Trust: Why Context Matters. Edited by S. Zmerli and M. Hooghe. The ECPR Press. University of Essex, Colchester. 67-95
44. Tandon R., Bandyopadhyay K. K. (2013) Civil Society – BRICS Engagement: Opportunities and Challenges. Published by FIM-Forum for Democratic Global Governance & Society for Participatory Research in Asia. New Delhi. 22 p.

6. БИБЛИОГРАФИЯ

1. Alston, Lee J., Marcus Melo, Bernardo Mueller, and Carlos Pereira (2008), On the Road to Good Governance: Recovering from Economics and Political Shocks in Brazil, in: Ernesto Stein and Mariano Tommasi (eds.) Policymaking in Latin America: How Politics Shapes Policies, Cambridge:Harvard University Press.
2. Alston, Lee J., Marcus Melo, Bernardo Mueller, and Carlos Pereira (2009) Presidential Power, Fiscal Responsibility Law, and the Allocation of Spending: The Case of Brazil, in: Mark Hallerberg, Carlos Scartascini, and Ernesto Stein (eds.) Who Decides the Budget? A Political Economy Analysis of the Budget Process in Latin America, Cambridge: Harvard University; Press.
3. Ariun-Erdene B. (2009) Human Development and Public Administration: Empirical Analysis. UNDP, Moscow (Ариун-Эрдене Б. (2009) Человеческое развитие и государственное управление: эмпирический анализ. ПРООН, Москва). Retrieved from <http://europeandcis.undp.org/data/show/A26B35BC-F203-1EE9-B33F74CE9DD33C07>
4. Arora Ramesh K., Rajni Goyal. Indian Public Administration: Institutions and Issues. New Delhi: Wishwa Prakashan. 1995. 676 p.
5. Ayurzanain (2011) Institutional Trust as a Factor of Development of Financial Institutions in Contemporary Economics. 7(80), 40– 45. Retrieved from http://ecsn.ru/files/pdf/201107/201107_40.pdf Economic sciences (Аюрзанайн А.Б. (2011) Институциональное доверие как фактор развития финансовых институтов в современной экономике. Экономические науки. 7(80), 40– 45. Retrieved from http://ecsn.ru/files/pdf/201107/201107_40.pdf)
6. Bondarenko A., Zimarina O. (2013) Human Development Report 2013. The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World. Published for the UN Development Programme. Moscow: All World, 2013. 203 p. (Доклад о человеческом развитии-2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире //

- Опубликовано для Программы развития Организации Объединенных Наций / Под ред. А. Бондаренко, О. Зимарина (ПРООН). М.: Весь мир, 203 с.)
7. BRICS: Joint Statistical Publication: 2014; Brazil, Russia, India, China, South Africa (2014) IBGE. Rio de Janeiro. □212 p.
  8. Civil BRICS. Retrieved from <http://www.civilbrics.ru/en/gr-brics/>
  9. Civil Society – BRICS Engagement: Opportunities and Challenges (2013) Edited by R. Tandon, K. K. Bandyopadhyay. PRIA and FIM. 22 p.
  10. Dorofeeva L.I., Ermolova O.V. (2012) Trust as a Factor in the Competitiveness of Enterprises. Bulletin of the Saratov University. 12 (4), 3 – 8 (Дорофеева Л. И., Ермолова О. В. (2012) Доверие как фактор конкурентоспособности предприятия. Известия Саратовского ун-та. Т. 12. Сер. Экономика. Управление. Право, вып. 4, 3 – 8)
  11. Duraiappah A.K., Minoz P. Inclusive wealth: a tool for the United Nations // Environment and Development Economics. 2012. Vol. 17. N 3.
  12. Dutta, S., Lanvin, B., Wunsch-Vincent, S. (Eds.). (2014). Insead. Global Innovation Index 2014. P. 158. Режим доступа: <http://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2014-v5.pdf>
  13. Emerging Powers in a Comparative Perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries / Ed. by V. Nadkarni, N. Nooman. N.Y., L., New Delhi, Sydney: Bloomsbury, 2013.
  14. Faster, Sustainable and More Inclusive Growth: an Approach to the Twelfth Five Year Plan. Government of India, Planning Commission. October. 2011. URL: http://planningcommission.gov.in/plans/planrel/12appdrft/approach_12plan.pdf (дата обращения: 23.02.2015).
  15. Foweraker, Joe (1998), Review Article: Institutional Design, Party Systems and Governability – Differentiating the Presidential Regimes of Latin America, in: British Journal of Political Science. Vol. 28, p. 651-676.
  16. Freedom House (2015). Section 3: Political System, Leaders and the Institutions of South African Democracy. Retrieved from <https://freedomhouse.org/report/twenty-years-south-african-democracy/section-3-political-system-leaders-and-institutions#.VbfII8btmko>
  17. Fritz V., Menocal A. R. (2007) Developmental States in the New Millennium: Concepts and Challenges for a New Aid Agenda. Development Policy Review. 25 (5), 531-552
  18. Grozova O.S. (2012) On the Classification of the Development Institutions and Institutional Risks of Innovational Activity. Modern Problems of Science and Education. 4 (Грозова О. С. (2012) К вопросу о классификации институтов развития и институциональных рисков инновационной деятельности. Современные проблемы науки и образования. 4) Retrieved from www.science-education.ru/104-6811
  19. <http://data.worldbank.org/data-catalog/GNI-per-capita-Atlas-and-PPP-table>
  20. <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC/countries/BR?display=graph>
  21. <http://data.worldjusticeproject.org/#groups/BRA>

22. http://electionresources.org/br/index_en.html
23. <http://index.okfn.org/place/brazil/>
24. <http://unpan3.un.org/egovkb/en-us/Data/Country-Information/id/24-Brazil>
25. <http://unpan3.un.org/egovkb/en-us/Data-Center>
26. Human Development Index (2014), UNDP. Retrieved from <https://data.undp.org/dataset/Table-2-Human-Development-Index-trends-1980-2013/y8j2-3vi9?>
27. International Research Conference “Dynamic Capabilities, and the Sustainable Competitiveness of Firms and Nations” (2012) Russian Journal of Management. 10 (4), 127 – 132 (Международная научная конференция «Динамические способности и устойчивая конкурентоспособность фирм и стран». Хроника (2012) Российский журнал менеджмент. Том 10. № 4, 127 – 132.)
28. Ishmuhametov N. S. (2011) Role of the State in Formation of Conditions of Sustainable Human Capital. State Policy. Electronic Bulletin. 28, 1 – 13 (Ишмухаметов Н. С. (2011) Роль государства в формировании условий устойчивого развития человеческого капитала. Государственное управление. Электронный вестник. 28, 1 – 13)
29. Koorman J. Governing as Governance. L. et all: Sage, 2010.
30. Krivosheeva-Medyantseva D. D. (2013) Trust as a Factor of Economic Development: Study from the Perspective of Institutional Economic Theory. Terra Economicus. 11 (2), 15 – 20 (Кривошеева-Медянцева Д. Д. (2013) Доверие как фактор экономического развития: исследование с позиций институциональной экономической теории // Terra Economicus. 11 (2), 15-20)
31. Kulakova T.A., Koverzneva S.A. The Role of Policy Entrepreneurs and Advocacy Networks in Public Policy Process (Study Case of Brazil Water Policy Reform) // Международный научно-исследовательский журнал. International Research Journal. № 6 (37) 2015. Часть 4. С. 65-67.
32. Maheshwari S.R. Indian Administration (Hindi Edition). New Delhi: Orient Longman. 2001. 666 p.К-во стр.?
33. Main Areas and Topics of Dialogue Between the BRICS (2015). Retrieved from <http://brics.itamaraty.gov.br/about-brics/main-areas-and-topics-of-dialogue-between-the-brics>
34. Manyika J., Sinclair J. Manufacturing the future: The next era of global growth and innovation. McKinsey Global Institute. November 2014. 184 p.
35. Marien S. (2000) Measuring Political Trust Across Time and Space. Trust in Government. Ethics Measures in OECD Countries. Paris: OECD, 2000, 14 – 46
36. Nevinnaya I. (2013) Ministry of Labour will Train Each Pensioner on Computer Literacy. Rossiyskaya gazeta (Невинная И. Минтруд обучит компьютерной грамотности каждого пенсионера. Российская газета. 05.07.2013) Retrieved from <http://www.rg.ru/2013/07/05/obuchenie-site.html>
37. O’Neill J., Poddar T. Ten Things for India to Achieve its 2050 Potential. Global Economic Paper No 169. New York: Goldman Sachs, 2008. P. 6-7.

38. Pereira C., Orellana S. Hybrid Political Institutions and Governability: The Budgetary Process in Brazil// *Journal of Politics in Latin America*. 2009, Vol. 3, P. 57-79.
39. Political System of South Africa (2015). Retrieved from <http://www.123independenceday.com/south-africa/political-system.html#sthash.jQBXR037.dpuf>
40. Political Trust: Why Context Matters (2013) Edited by S. Zmerli and M. Hooghe. The ECPR Press. University of Essex, Colchester. 225 p.
41. Qianhong Fu (2004) Trust, Social Capital, and Organizational Effectiveness. Blacksburg, VA. 39 p.
42. Rule of Law and Economic Development: A Comparative Analysis of Approaches to Economic Development across the BRIC Countries (2012) Edited by N. Ramanujam, M. Verna. Montreal. 276 p.
43. Sablin K. S. (2012) Role of the Institutional Environment in Formation of Development Institutes. *Journal of Institutional Research*. 4 (2), 32 – 42 (Саблин К. С. (2012) Роль институциональной среды в формировании институтов развития . *Журнал институциональных исследований*. 4 (2), 32 – 42)
44. Saxena N.C. Reducing Corruption through Policy Reforms // *Ethical Governance in Business and Government* / ed. Ramesh K. Arora. Jaipur: Aalekh Publications. 2013. Диапазон стр.? 108–122 p.
45. Schmitter P.C., Karl T.L. What Democracy Is . . . and Is Not // *Journal of Democracy*. 2 (Summer 1991), pp. 76 - 87.
46. Share of Agriculture in GDP Witnesses Decline // *The Economic Times*. 2012. 09 September. URL: http://articles.economictimes.indiatimes.com/2012-09-09/news/33713635_1_agriculture-sector-gross-capital-formation-cent (дата обращения: 20.03.2015).
47. Smorgunov L. V. (2012) In Search of Controllability: Concepts and Transformations of Public Administration in the XXI Century. Saint-Petersburg: Publishing house of the St. Petersburg University. 362 p. (Сморгунов Л. В. (2012) В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 362 с.)
48. Smorgunov L. V. (2014) The State and Governability in the BRICS States. *Vestnik SPBU*. 6 (2), 90 – 97 (Сморгунов Л.В. (2014) Государство и управляемость в странах БРИКС: постановка проблемы. *Вестник СПбГУ*. Сер. 6. Вып. 3, 90-97)
49. Sotarauta M. (2003) Dynamic Capacities in Promotion of Economic Development of City-regions. Paper from the 43rd European Congress of the Regional Science Association, “Peripheries, Centres, and Spatial Development in New Europe”. Jyväskylä, Finland, 21 p.
50. Tandon R., Bandyopadhyay K. K. (2013) Civil Society – BRICS Engagement: Opportunities and Challenges. Published by FIM-Forum for Democratic Global Governance & Society for Participatory Research in Asia. New Delhi. 22 p.

51. Tapscott, D., Williams, A. D. (2008) *Wicinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*. London: Atlantic Books, 351 p.
52. The Corruption Perceptions Index. URL: <http://cpi.transparency.org/> (дата обращения: 18.03.2015).
53. The Global Competitiveness Report 2014–2015: Full Data Edition (2014) Edited by Prof. Klaus Schwab. World Economic Forum. Geneva, 549 p.
54. The World Bank Data (2015). Retrieved from <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD/countries/1W-RU-CN-ZA-IN-BR?display=graph>
55. *Transforming economies: Making industrial policy work or growth, jobs and development*. International Labour Organization. Geneva. 2014. 411 p.
56. Trust around the world (2015) Retrieved from <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2015-edelman-trust-barometer/trust-around-world/>
57. Tumanova U. V. (2011) Human Potential as Factor of Socio-Economic Development. Articles from International Scientific Conference 10-11 May 2011. Penza-Semipalatinsk: “Sociosfera”. 58 – 59 (Туманова Ю. В. (2011) Человеческий потенциал как фактор социально-экономического развития. Материалы международной научно-практической конференции 10–11 мая 2011 года. Пенза–Семипалатинск: Научно-издательский центр «Социосфера». 58 – 59)
58. Ugrumova M. A., Savicheva A. N. (2010) Human Potential of Russia: Evaluation, Condition and Problems. *Almanac of Contemporary Science and Education*. 2 volumes. 1st volume. Tambov: Gramota. 2 (33), 199 – 201 (Угрюмова М. А., Савичева А. Н. (2010) Человеческий потенциал России: оценка, состояние и проблемы развития. Альманах современной науки и образования. В 2-х ч. Ч. I. Тамбов: Грамота, 2 (33), 199 – 201)
59. United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People (2012) Department of Economic and Social Affairs. New York: United Nations, 143 p.
60. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want (2014) Department of Economic and Social Affairs. New York: United Nations, 264 p.
61. *Unlocking Human Capital: Entitlements and Governance – a case study*. 2nd Administrative Reforms Commission – 2005. URL: <http://arc.gov.in/> (дата обращения: 10.03.2015).
62. Van der Meer T., Dekker P. (2013) Trustworthy states, Trusting Citizens? Political Trust: Why Context Matters. Edited by S. Zmerli and M. Hooghe. The ECPR Press. University of Essex, Colchester. 95-117
63. Vednitskaya L. (2013) *Dynamic Capacities of the State and Development Policy*. PhD Dissertation. 194 p.
64. Verkhovskaya O. R. (2006) Dynamic Capacities of the Firm: what is Needed to Make them Capable? *Vestnik of St. Petersburg University*. 8 (4), 183 – 185 (Верховская О. Р. (2006) Динамические способности фирмы: что необходимо,

- чтобы они были способностями? Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Вып. 4. 183—185)
65. Volchik V. V. (2012) Problem of the Trust and Modernization of the Institutes. *Terra Economicus*. 10 (2) (Вольчик В.В. (2012) Проблема доверия и модернизация институтов. *Terra Economicus*. 10 (2)) Retrieved from <http://institutional.narod.ru/papers/volchik2012.pdf>
  66. Volkova A. V. (2012) Potential of Human Technologies in the State Personnel Policy of Russia. *Sociology of Power*. 3, 198 – 202 (Волкова А. В. (2012) Потенциал гуманитарных технологий в государственной кадровой политике РФ // Социология власти. №3, 198 – 202)
  67. Volkova A. V. (2014) State Managerability and Civil Competence. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and History of Art*, Tambov: Gramota. 4 (42), 44 - 47 (Волкова А. В. (2014) Управляемость государства и гражданская состоятельность. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов: Грамота. 4 (42): в 2-х ч. Ч. I. 44-47)
  68. Watt J. (2014) Capitalizing on Trust. *BRICS Business Magazine*. Retrieved from <http://bricsmagazine.com/en/articles/capitalizing-on-trust>
  69. World Values Survey website. Retrieved from http://www.worldvaluessurvey.org/index_html
  70. Xiaoyun L., Carey R (2014) The BRICS and the International Development System: Challenge and Convergence? Evidence Report: Rising Powers in International Development. No 58. 21 p
  71. Zeng D.Z. How technology and innovation drive two emerging giants: China and India? // *International studies review*. 2006. Vol. 7, N 1. P. 1-27.
  72. Zmerli S., Newton K. (20013) Winners, losers and three types of trust. *Political Trust: Why Context Matters*. Edited by S. Zmerli and M. Hooghe. The ECPR Press. University of Essex, Colchester. 67-95
  73. Батракова, Л. Г. Статистический анализ бедности // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Том I (Гуманитарные науки). С. 86-91.
  74. Белоус А.Б. Управляемость как фактор инновационного развития экономики // Российский научный журнал «Экономика и управление». – СПб. – 2007. № 6 (32). – С.40-43.
  75. Белоус А.Б. Управляемость. Научные основы управляемости. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2008. – 144 с.
  76. Белоусова Т.В. Отрасль информационных технологий как локомотив развития экономики Индии // *Инновации*. 2007. № 10. С. 91–93.
  77. Волкова А.В. Управляемость государства в условиях глобализации: проблема формирования публичных ценностей // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2013. Т. 9, № 4. С. 70-82.
  78. Володин А. «Рост плюс развитие», или индийский опыт экономических реформ // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 10. С. 91-98.

79. Гильманова, А. Протекционизм в Бразилии снова в моде. 20 декабря 2013.
Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2881#top-content
80. Гринин Л. Модели Развития Китая и Индии // Государственная Служба. 2013. №2 (82). С. 87–90.
81. Грицкевич Т.И. Современные реформы: управляемость и гносеологическая неопределенность // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2007. Т. 5. № 1. С. 60-64.
82. Кулакова Т.А. Вовлечение в публичность: связи с правительством // Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1-2. (51). С.96-99.
83. Коверзнева С.А., Кулакова Т.А. Государственная управляемость и политико-административные режимы // Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2-2 (52). С. 105-110.
84. Конституция Бразилии (1988, русский текст). Режим доступа: <http://mykpzs.ru/konstituciya-brazilii-1988-russkij-tekst/>
85. Кулакова Т.А. Принуждение и солидарность как способы координации в политическом управлении // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. №143. С. 165-175.
86. Куликов В.Г., Рыбалкина З.М. Количественная оценка управляемости организацией // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2008. Т. 1. С. 31-38.
87. Култыгин В.П. Социальная управляемость как явление и как проблема в эпоху постмодерна // Личность. Культура. Общество. 1999. Т. I. № 1. С. 167-193.
88. Купряшин Г.Л. Модернизация и управляемость // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2011. № 2. С. 67-86.
89. Никифорова Т.В. Научно-исследовательская деятельность в Индии: особенности государственного регулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Экономика. 2009. № 2. С. 58-68.
90. Опрятная О.Н. Тринитарный подход как методологическое основание управления сложностью // Социология: Методология, методы, математическое моделирование. 2005. №21. С. 029-050;
91. Пригожин А.И. Управляемость организацией // Прикладная социология и менеджмент М. 1998. С. 347-368.
92. Публичные ценности и государственное управление: коллективная монография / под ред. Л. В.Сморгунова , А. В. Волковой М.: Аспект-Пресс. 2014. 340 с.
93. Рубцова М.В. Концептуальные основания исследования феномена управляемости в социологии управления / М.В. Рубцова. - СПб.: Книжный дом, 2010.
94. Рубцова М.В. Управляемость и власть: соотношение понятий в социологии управления / М.В. Рубцова // Социология власти. 2009. №1. С. 177-183.
95. Сморгунов Л. В. (2012) В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 362 с.

96. Сморгун Л.В. (2014) Государство и управляемость в странах БРИКС: постановка проблемы. Вестник СПбГУ. Сер. 6. Вып. 3, 90-97
97. Спенс М. Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Изд. Института Гайдара, 2013.
98. Страны БРИКС как восходящие государства-гиганты: новая роль в системе международных отношений, глобальная проекция внешнеполитических стратегий, сравнительный анализ национальных моделей модернизации. Опыт для России» / Отв. ред. Л.С. Окунева, А.А. Орлов. М.: Изд. МГИМО-У, 2012.
99. Усик Н.И. Об управляемости глобальной экономикой в условиях неопределенности / Экономика и экологический менеджмент. 2010. №1. С.15-18.
100. Хаусман Р. Инклюзивная экономика. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/inclusiveness-key-strategy-for-growth-by-ricardo-hausmann-2014-11/russian> (дата обращения: 21.03.2015).
101. Шерстобитов А.С. Государственные и частные акторы в телекоммуникационной отрасли в России: сеть или иерархия? // Политологическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5, № 4. С. 96-104.

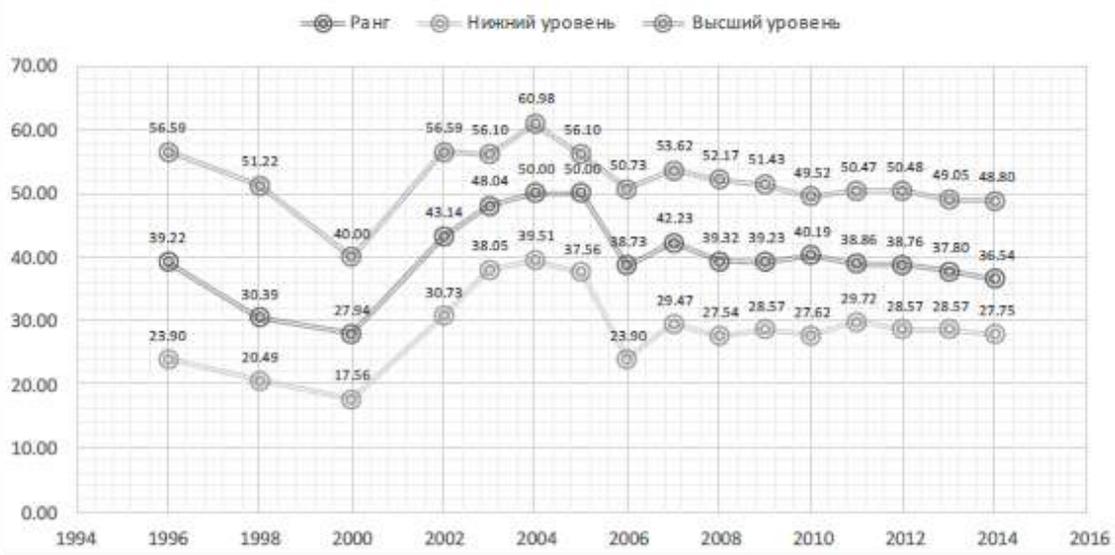
7. ПРИЛОЖЕНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ПО СТРАНАМ БРИКС

Россия и страны БРИКС в рейтингах World Governance Indicators

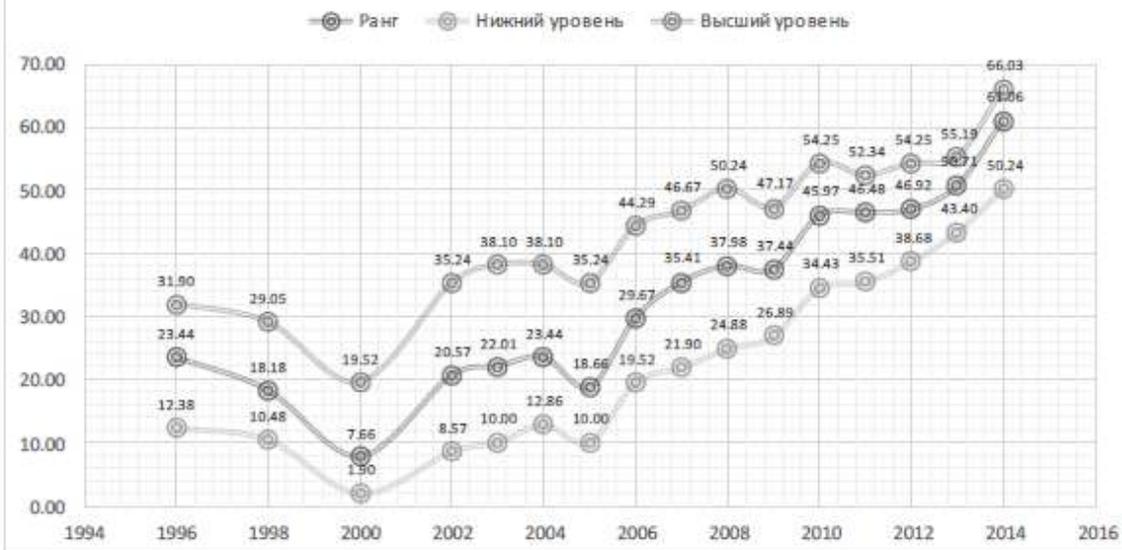

Об индексе. *Worldwide Governance Indicators* - сводный набор различных показателей управления для 215 экономик мира за период 1996-2014, учитывающий шесть индикаторов: а) подотчетность власти; б) политическую стабильность и отсутствие насилия; в) эффективность работы правительства; г) качество законодательства; д) верховенство закона и е) борьбу с коррупцией. Эти индикаторы агрегируют данные большого числа НКО, бизнес-организаций, правительственных и структур гражданского общества.

Качество российского законодательства, 1996-2014 гг.

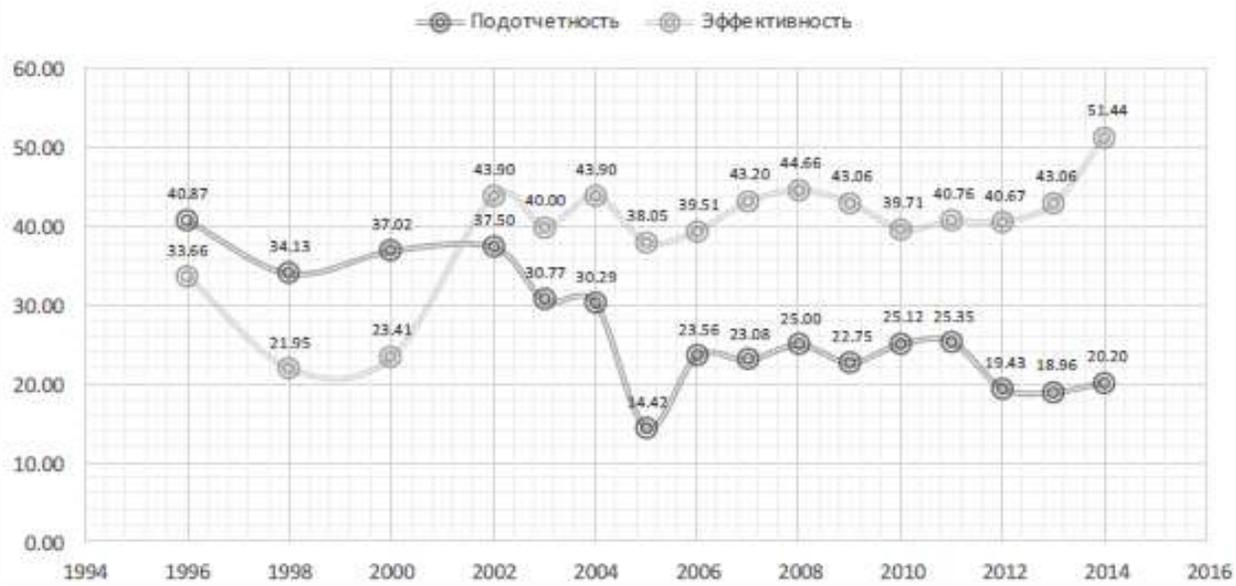
Верховенство закона в России, 1996-2014 гг.

Контроль коррупции в России, 1996-2014 гг.

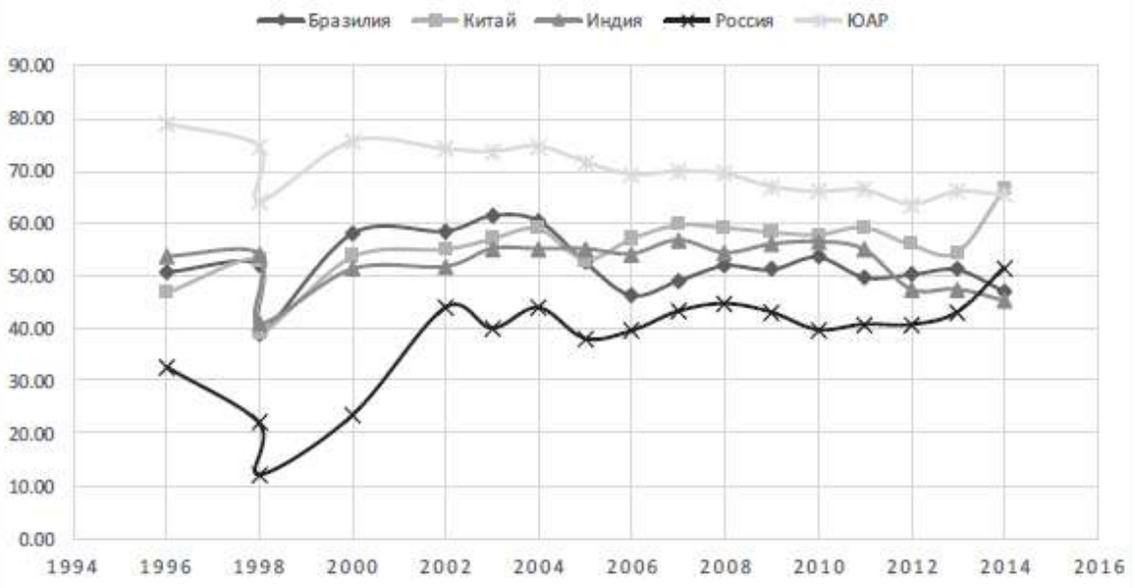
Подотчетность государственных органов РФ населению и эффективность работы правительства. Сравнение.

Верховенство закона и контроль коррупции в России. Сравнение по годам.

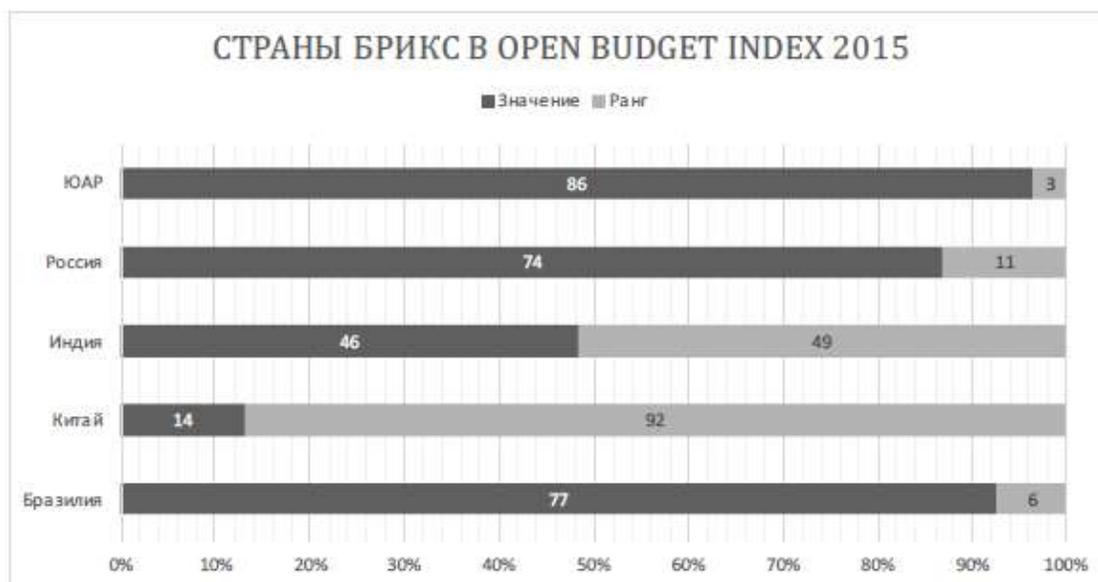

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СТРАНАХ БРИКС, 1996-2014 ГГ.

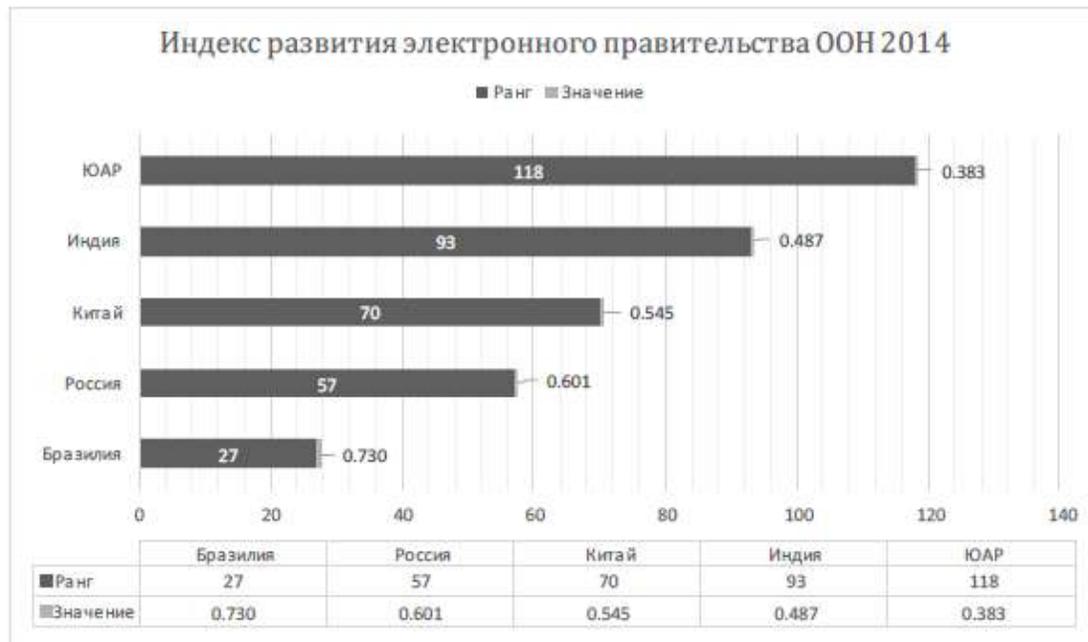

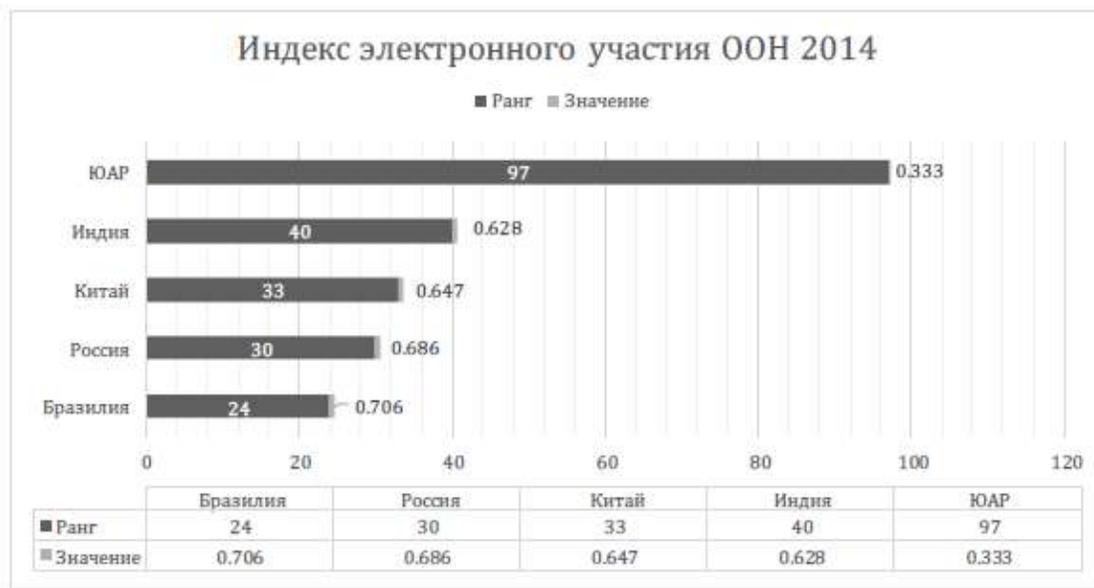

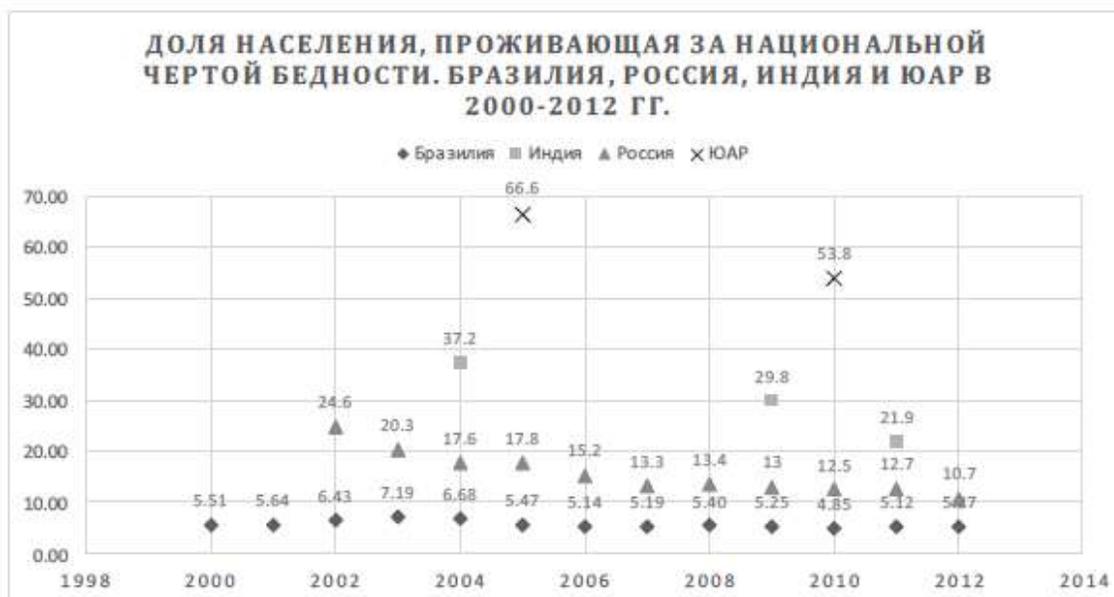
Об индексе. *The Open Budget Initiative*—это глобальная программа обеспечения доступа общественности к бюджетной информации и содействия развитию подотчетности бюджетных систем. *IBP* организует аналитический отчет *Open Budget Survey*, оценивающий уровень доступа к бюджетной информации и возможности участия в бюджетном процессе на национальном уровне в 102 странах. Индекс складывается из оценок НКО, работающих в этих странах.

Об индексе. Индекс развития электронного правительства (The UN E-Government Development Index) — показатель, характеризующий уровень развития электронного правительства во входящих в ООН странах мира. Индекс электронного участия акцентируется на использовании онлайн-услуг для облегчения предоставления правительственными органами информации (обмен электронной информацией), взаимодействия со стейкхолдерами и (электронные консультации) и участия в процессе принятия решений (электронное принятие решений)

Об индексе. Индекс электронного участия ООН (UN E-Participation Index) рассчитывается как один из составных индикаторов Индекса электронного правительства, но имеет самостоятельное значение, раскрывая возможности участия в принятии политических решений посредством электронных сервисов в странах ООН.

Об индексе. Показатель взят из базы данных Всемирного банка (<http://data.worldbank.org/topic/poverty>). Данные по Китаю не приводятся.

Об индексе. Коэффициент Джини—это количественный показатель, раскрывающий степень неравенства различных вариантов распределения доходов для изучаемых стран. Коэффициент определяет степень расслоения в обществе. Значения взяты из базы данных Всемирного банка (<http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>)